

С. ОГОЛЬЦОВ

СЛАСТИ

НА РАССВЕТЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Огольцов

Сласти на рассвете

«Автор»

2026

Огольцов С. Н.

Сласти на рассвете / С. Н. Огольцов — «Автор», 2026

Книга вторая из цикла Хулиганский Роман призывает смотреть, куда ступаешь в жизни, где рулевым меньшая, но более могучая из твоих 2 головок. Для тех, кто не силён в анатомии: когда инстинкты берут верх на разумом. Ох, пронеси, Господи!

© Огольцов С. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

~ ~ ~ иллюзии в реале	18
~ ~ ~ кентаврожитие	24
~ ~ ~ служитель Мельпомены	35
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Сергей Огольцов

Сласти на рассвете

Сласти на рассвете

Отребя увесистый поджопник в конце первой книги, лирический герой повествования выпулился с пушистого континента «Детство». Незримо параболическая траектория приземляет вышибленного в гущу провинциально Советского быта на севере Украины. Началось отрочество – процессы превращения в «отрезанный ломоть» с последующим «очерствлением», утраты дружб, крушения мечт, и замена их последующими. Всё, как у людей. Затем сама собой пришла «пора юности мятежной». Изменения героической анатомии влекут отрастание новых инстинктов, герой прокладывает самостоятельный курс в открытое море полового вызревания своей личности.

Книга вторая из цикла Хулиганский Роман призывает смотреть, куда ступаешь в жизни, где рулевым меньшая, но более могучая из твоих 2 головок. Для тех, кто не силен в анатомии: когда инстинкты берут верх на разумом. Ох, пронеси, Господи!

~ ~ ~

отроческие заморочки

(...а и на этом уже, пожалуй, хватит. Да, точно хватит.

Пора эти картошки выгребать из пепла, пока и сами головешками не стали. Уголь неоспоримый чемпион по содержанию всех тех килокалорий, однако мне сомнительно как-то насчёт вкусовых достоинств обугленного ужина.

Да и вон как уже стемнело, а переидая на ночь, рискуешь вломиться в неправильную ауру поутру, если не раньше того, с опережением графмкаю Оно мне надо?.

«А ужин свой», — советовал один мудрый диетолог, скорее всего покойный, хорошие люди долго не живут, — «оставь своим врагам».

Хотя хули толку в посторонних мудростях? Аз есмь — заточен и подкован на благо общества, где всяк человек — друг, товарищ, и брат любому каждому из остальных. Всем подряд, — кто только подвернётся.

Чёрт! А ведь таки тянет метать перловую лапшу, которой тебе в своё время все уши пообвесили. Что и довело меня однажды исполнить ариозо для твоей сводной сестры, для Леночки. Разливался как полный примадонн типа люди по природе своей добры поголовно. Ну, просто пока ещё не каждый людь врубился до чего у него там, во глубине души людской, за подкладкой, всё мягко и гуманно. Но мы, люди доброй воли, над этим работаем, да. Так что, рано или поздно...

Она — умничка, папе не перечила. Да и зачем, если телек есть? Буквально в тот же вечер, мои грёбаные звёзды судьбы своим расположением подстроили показ Шекспировского "Ричарда Третьего". Чарующий образец Англо-Саксонского искусства в интерпретации Московско-столичным театром! Очень даже заслуженное заведение. По самые трендовые места.

Заворожили ребёнка! Леночка глаз не сводила, как те люди добрые (просто не все ещё успели докопаться до залежей своей глубинной доброты) друг друга душат и разнообразно в клочья рвут. — Ой! А чья эт голова тут завалилася на эшафоте? Опять, сука, неприбрано!

А и кто бы сомневался! Наутро она ещё и повтор включила, потому что против Шекспира не попрёшь, это ж классика... Так что я урок усвоил и с тех пор завязал гонять речитативы проповедника. А с телевизором заключил нейтралитет, вооружённый, в обмен на невмешательство...

Всё это к тому, что если, допустим, у меня бы вдруг случайно враг завёлся, так я уж лучше ему последнюю рубаху отдам, но только не ужин — а на-кась выкуси, вражина! Я твоё

здоровье дорого! Как завещал моральный кодекс. Нехрен тут умильные глазки строить. Тоже мне, кокер-спаниель нашёлся! Такие деликатесы не про тебя, это ж картофан в костре печёный.

Такое и передать невозможно — до чего она шедевр кулинарии. А как разломишь на ней чёрную хрусткую корочку, да прыснешь щепоткой соли в лёгкий парок сердцевины, то сей минут озаряешься светом Истины... Внемли люд правый, левый, и славный! Никакие кулебяки с камызяками и бефами струганными ей даже в подмётки не годятся. Куда им!

Все бланманже, будь хоть с фисташками, не глядя отдаю гурманАм с дипломом, которые на услажденьях вкуса собаку съели. А мы шо ж? Мы люди простые, тёмные, нам лишь бы грОши да харчи хорОши.

Да будь я не Негром преклонных годов, гнобимым бытовухой и борьбой за выживание, тогда бы ей с разгону оду бы сложил! Ей ненаглядной — картошечке в костре печёной!

И недаром, за всю херню, что понастряпал Ю. Семёнов, самый пронзительный эпизод — это когда его Штирлиц, он же Советский разведчик Исаев, закатал рукава Фашистской парадной формы. Печёт, блин, врагу назло, картошку в камине своей Берлинской хазы, чтоб уж полюдски отметить День Советской Армии и Флота.

Однако — со всей уважухой к его кулинарному патриотизму — фигня всё это. Чтобы по полной кайфовать печёным картофаном, сидеть надо на земле и под открытым небом, да чтоб такой вот вечер темнел вокруг. С Варандой или без — это уже второстепенно...)

~ ~ ~

В Конотопе, Баба Катя перецеловала нас всех, по очереди, стоявших, от неловкости, столбами посреди кухни, и — расплакалась.

Мать принялась её утешать, да зубы заговаривать. Потом она усекла две детские головки, что украдкой выглядывали из-за недозакрытых створок двери в единственную комнату на всю эту картину Репина «Не ждали».

Меня общую пластинку, мать спросила для отвода глаз: «Это Людкины, что ли?»

— Да, это у нас Ирочка и Валерик. Уже такие большие. Девочке три года, а ему скоро два будет.

Когда отец их, Дядя Толик, зашёл после работы в хату, мне впервые в жизни довелось — живьём, а не в кино — увидеть широкую лысину на голове у человека. От самого лба и до ниже затылка. Однако я постарался не слишком уж заметно пялится.

Через час мы с ним на пару пошли встречать Тётю Люду. Её продуктовый закрывался в семь, ну, не самой же ей тащить до дому сумки.

Шагая рядом с Дядь Толиком, я примечаю путь до Путепровода, который в Конотопе всё ещё называют Переездом...

Мне это имя навевает смутное видение толпы в затыжном ожидании перед железнодорожным шлагбаумом.

Опущенная поперечина с чёрно-белыми полосами загородила переезд поверх колеи. Мостовая переезда исполнена из чёрных деревянных шпал, уложенных продольно, чуть ниже уровня головок рельс в железе путей.

Шлагбаумы переезда подымаются, две толпы валят одна другой навстречу — пересечь пути. В гуще течения — пара телег и встречная трёхтонка с деревянным кузовом... мы уезжаем из Конотопа на Объект...

За моё отсутствие, под многорядностью рельсовых путей провели глубокий бетонированный туннель. Отсюда официальное название — «Путепровод», но люди, по привычке, говорят — Переезд...

По ту сторону Переезда-Путепровода торопливо погромыхивают красные длиннотелые трамваи — из Города на Вокзал и обратно.

Центральную часть Конотопа, называют «Город», хотя официально установленных границ у центра нет. Тем он и отличается от лондонского «Сити» или «Кентрона» в Ереване.

В силу чего, по независящим от Конотопчан причинам, их мнения о квадратуре и пределах «Города» могут и не совпадать. Однако Вокзал, который пребывает, технически, в городской черте, к «Городу» никто не причисляет. Эти и другие тонкости мне ещё предстоит усвоить.

Пока мы ждали Тётю Люду с трамвая из идущих в сторону Вокзала, Дядь Толик подговаривал меня нагнать её под редкими фонарями спуска в Путепровод. Он останется в сторонке, неприметно. Мне надо ухватиться за любую из её сумок и хриплым голосом спросить: «А для тебя эта не слишком тяжёлая?»

Однако тётя Люда меня сразу опознала, хотя Дядь Толик и надвинул мне мою кепку на самые глаза.

Уже втроём, мы двинулись обратно на Нежинскую. Дядь Толик нёс обе сумки, чьё содержимое Тётъ Люде оплачивать с полочки в её магазине.

Поднявшись из Путепровода, мы пронизали тишину безлюдного Базара, шагая вдоль прохода между его пустых прилавков под высокими скосами крыши. Типа два отряда беседок построились друг напротив друга на торжественной линейке, им скучно стало и – позасыпали.

Протопав минут десять сверху, мы свернули в Нежинскую. Пара лампочек-светлячков на её далёких столбах, совсем в глубине где-то, отличают Нежинскую от прочих улиц полных неосвещённой темноты.

~ ~ ~

Прибытие в Конотоп состоялось накануне последней четверти учебного года. Нам троим, без вариантов, предстояло ходить в Среднюю Школу № 13, благодаря её выгодному расположению. Ворота школы находились точняк напротив улицы Нежинской, оставалось только перейти мощёную ухабистым булыжником дорогу улицы Богдана Хмельницкого.

Среди старожилов данной части города, за учебным заведением закрепилось погоняло «Черевкина школа». Виной тому — богатей из близлежащего села Подлипное, по фамилии Черевко, который ещё при царе построил кирпичный трактир в два этажа на этом месте.

Однако власти Царского режима не позволили ему открыть питейное заведение в такой близи к единственному на весь город заводу, который всё ещё именовался Механические Мастерские. Планы мироеда чреватились явной угрозой сделать весь рабочий класс Конотопа алкашами. Поголовно, в массовом порядке, все три сотни тружеников бывших Мастерских.

Черевко понял, что из-за неподкупности властей ему не удастся споить работяг — (на сумму затребованной взятки легче было построить что-нибудь трёхэтажное), — и подарил готовое здание городу, для размещения в нём начальной школы...

При Советской власти мировоззрение рабочих масс настолько возросло, что нынешние забегаловки придвинулись к тому же производственному центру втрое ближе. Но фига они угадали! После смены рабочие дружно расходятся по домам, а забегаловок (в описываемый период — 3 штуки) в упор не замечают.

Мировоззрение, — вот в чём наша мощь и сила, товарищи!

Оставшись на отшибе, «Черевкина школа» дополнилась длинным зданием в одноэтажно барачном стиле первых пятилеток. Тоже из кирпича.

Архитектурное пополнение тянулось прочь от булыжного тракта, вдоль тихой улочки с уклоном к Болоту, которое некоторые называют Рощей — кому как привычней, — что отделяет село Подлипное от Конотопа, хотя возможно, что и наоборот.

... .

По пути в школу в первый раз, я как-то всё не догонял, что за фигня эти холщовые мешочки почти при каждом из школьников, что тёпали в обход апрельских луж в одном со мною направлении — на выход из Нежинской.

Мешочки телипались на типа шнурках-гайтанах для нательных крестов, но намного ниже, — свисая от портфельных ручек. Тем, кто выпендривался щеголеватой папкой из типа

кожи (но та позже протирается до картонной основы), приходилось держать шнурок свободной рукой, но и у выпендрил гайтан оттягивался (вместо креста) — мешочком.

Не удержавшись, я спросил, и отвесил челюсть на разъяснение неграмотному мне, что в тех мешочках народ носит свои чернильницы.

Аххре... да, опупел неслабо.

Ни фига себе отсталость! На Объекте у каждого вон персональная авторучка! Раз в неделю засасывает в ампулу чернил из пузырька и — все дела! Может и весь месяц протянуть до следующей заправки, если не шкрябашь той ручкой день-деньской.

А тут как вроде из эры двигателей внутреннего сгорания выпадаешь в эпоху дилижансов и почтовых троек! От орбитальных станций и — здрасьте, Лев Толстой, а мы к вам тут на меже приземлились!...

Однако уже на следующее утро, всё те же мешочки воспринимались, как вполне обыденная деталь пейзажа...

. . . .

Пронзительно-затяжной трезвон электрозвонка полуметрового диаметра, заливал длинный коридор по всей одноэтажке, затем, через входную дверь с крыльцом, переполнял двор «Черевкиной школы» и половодил в три прилегающие улицы.

Если звон сигнализировал перемену, ученики спускались с двухметрового, однако узкого крыльца в широкий школьный двор, с могучим Вязом в центре. За его побелённым стволом притаилось приземистое зданье с Пионерской комнатой, она же библиотека; с комнатой для уроков Труда, и с глухой «кандейкой», без окон, но с железной дверью. Там, поставленными к стенке, хранились лыжи до следующего зимнего сезона.

По левую руку от крыльца, дощатые ворота и несостоявшийся трактир загораживали улицу Богдана Хмельницкого, но Тополя-великаны, по ту сторону булыжной мостовой, им скрыть не удавалось.

Направо — спортзал с зарешечёнными изнутри окнами, чтоб уберечь их от мяча на уроках Физкультуры, примыкал к дальнему концу кирпичного барака под прямым углом. Напротив глухой стены спортзального торца стоял уединённый домик туалетов из кирпича в известковой побелке, имевший пару входов: «М» и «Ж».

На протяжении всей перемены, плотная толпа учеников тусовалась на и вокруг крутого крыльца входной двери в школу. Ребята постарше ловко насестились на боковых перилах крылечной площадки. Согнать их мог только рывк случайно проходящего педагога. От зависти, конечно, что ему не втиснуться промежду них на ту железную трубу.

Учащиеся неохотно подчинялись, но тут же вспархивали вспять, как только нравоучительная спина заглатывалась входной дверью.

Неиссякающе струился пешеходный поток по направлению к «М»-«Ж»-овым туалетам в угла двора, и обратно.

Однако большинство учеников (да, но не учениц!) сворачивали, не достигнув уединённого строения интимных нужд, за угол спортзала.

Тут, в узком проходе между спортзальной стеной и высоким забором соседней хаты, жизнь была ключом в бойкой игре на звонкую монету.

Тут, в школьном Лас-Вегасе, бурлил азарт соревнования в Биток, где ставка (усреднённо) — "пятак" (солидный кружок меди, достоинством в 5 коп.).

Принимались и чуть более низкие ставки, однако не меньше "двушки" (2 коп. одной монетой) или же пара по 1 коп.

Но если у тебя белая монета, скажем, "десюлик" (10 коп.), "пятнашка" (15 коп.), "двацулик" (20 коп.), или даже "полтыш" (50 коп.), тебе их разменяют — оглянуться не успеешь.

Копейки на кон ставятся буквально — аккуратной стопочкой на мать сыру-землицу (монетка поверх монетки, все "решки" кверху, строго-настрого). И — пошёл биток плясать!

Что такое "биток"? Трудно сказать, у каждого игрока — свой излюбленный кусок железа: болт, обломок костыля для приколачивания рельсов, блестящий шар из крупногабаритного шарикоподшипника. Ограничений нет, — бей хоть и камешком. И даже отсутствие снаряда проблемы не составит — тебе тут всякий готов одолжить свой личный биток, только бей.

Что бить-то?

Да вон ту самую стопку-столбик из монет, чудак-наивняк! Любая денюффка. что перебыркнулась "орлом" кверху — твоя. Укармань, по-быстрому, и — долбай по остальным, лишь бы переворачивались, а если нет, в игру вступает следующий — нацокать и себе "орёликов".

А начинает кто? Ну, с этим всё по законам логики, чья доля в стопке общей ставки выше, тому и начинать клепать не отходя от кассы...

Порою крик «шуба!» сигнализировал от угла спортзала о приближении кого-то из педагогов мужского пола.

Деньги с земли растворялись по карманам, дымящиеся сигареты укоренивались в охват ладонью.

Однако тревога всегда оказывалась ложной — учитель-мимопроходец неизменно держал курс на туалет. Там кроме ряда общих дыр в полу под стенкой, имелась загородка с дверью, а за ней — половая дырка общего назначения. Это — для Директора и членов педагогического коллектива, допустимых под рубрику «М».

Ну, а игра катила дальше...

Всего в три кона я спустил пятнадцать копеек, что мать дала мне на пирожок с капустой из школьного буфета.

А интересно, — чего хотел? Виртуозы битка набивали руку дома, часами упражнялись излюбленным снарядом, а мне пришлось бить одолжённым.

Может и к лучшему — не успел пристраститься...

(... Конотопская «шуба!» уходит корнями к воровскому «шухер!», который берёт начало из Еврейского «цухер!» и у всех одно значение — «берегись!». Школьный сленг «атас!», с Объекта, имеет тот же смысл, но происходит от Французского «l'atanson!». Русское дворянство традиционно получало образование на Французском, n'est-ce pas, Lev Nikolaevitch?...)

~ ~ ~

В мой первый школьный день, классная руководительница, Альбина Григорьевна, посадила меня за первую парту, рядом с рыжей худышкой Зоей Емец.

Я ничего ни разу не макнул в чернильницу Зои, однако неоднократный ветеран-второгодник Саша Дрыга, с последней парты в среднем ряду, остался очень недоволен моим приземлением под Зоин тощий бок. Об этом он предупредил после уроков, по ходу сверления меня враждебным взглядом сквозь чуб своих засаленных волос.

А по пути домой, я познакомился и завязал дружбу с моим одноклассником Витей.

Для непривычного уха, страдающего слишком живым воображением, фамилия его может прозвучать чуть жутковато (хотя подобные фамилии не редкость в Украинском обиходе) — Череп.

Основанием для нашей моментальной дружбы явился факт попутного шагания вдоль улицы Нежинской, на которой он тоже жил. Правда, дом его находился немного дальше, возле Нежинского магазина, расположенного на равном удалении от обоих концов улицы.

На следующий день я попросил Альбину Григорьевну пересадить меня на последнюю парту в левом ряду, к Черепу. Мы с ним соседи, и сможем помогать друг другу в приготовлении домашних заданий.

Класрук уважила настолько вескую причину, и я избавился от соседства с рыжей Зоей, что не сулило мне ничего хорошего.

За предпоследней партой, прямо перед Черепо-Огольцовской, сидел, маясь одиночеством, Вадик Кубарев. Сложившаяся ситуация незамедлительно вылилась в наш тройственный альянс.

По сути, фамилии до такой степени наносные вещи, что ими пользуются одни только учителя. В условиях живого общения между адекватными людьми, Череп обернётся «Чепой», Кубарев непременно огеографится в «Кубу» и так далее.

Что за кликуха мне досталась? «Голый», или «Гольц»?

По логике вещей — ни та ни другая, естественно. Если имя твоё «Сергей», никто не станет париться с фамилией. Сразу и автоматически, ты для всех — «Серый».

Дружба — это сила.

Когда нас трое, даже Саша Дрыга не слишком наезжает...

Дружба — это знание.

Я поделился образцами поэтического творчества, которые так и не вошли в обязательную программу среднего образования. Тем не менее любой пацан Квартала на Объекте знал их наизусть.

Тут тебе и «Себя от холода страхуя, купил доху я...», и «Огонёк в пивной горит...», и «Ехал на ярмарку Ванька-холуй...», как и другие кратко-ядрёные примеры рифмованного фольклора...

В рамках культурно-познавательного обмена, мои друзья донесли до меня смысл таких устоявшихся Конотопских выражений, как «Ты что? С Ромнов сбежал?», или «Пора тебя в Ромны отправить».

Город Ромны (за 70 км от Конотопа в сторону Сум, общей областной столицы) служил местом нахождения психушки для чокнутых со всей области.

~ ~ ~

В то утро смолк звяк битков по копейкам.

В то ясное апрельское утро, ребята стояли и спорили, и никто никого не слушал.

Все ждали подтверждения радостного слуха про ошибку, допущенную вчера Центральным Телевидением в программе теленовостей.

Глупая ошибка. Потому что один парень слышал от ребят школы № 10, что вчера вечером какой-то человек опустился на парашюте в Сарнавский лес, на северо-восточной окраине Конотопа.

И скоро приедет Саша Родионенко, он же Радя, из Города, куда недавно переехал со своими предками, но не перестаёт учиться в нашей школе.

Да не ори ты! Вот, приедет Радя, он подтвердит, в Городе наверняка знают.

Я помнил полёт Гагарина. Или как вскоре после него, Герман Титов летал по орбите весь день, а вечером сказал: «Всем спокойной ночи. Я иду спать».

И отец восторженно хихикнул и сказал настенному радио: «Во дают!»

Наши космонавты всегда были первые, а мы, младшешеклассники, криком доказывали друг другу, кто из нас первым услышал объявление по радио про полёт Поповича, или Николаева, или первой женщины-космонавта Терешковой...

Саша Родионенко приехал, но ничего не подтвердил. Значит — это правда. А программа Время вовсе не ошиблась.

И солнце померкло в трауре...

Космонавт Владимир Комаров...

В спускаемом модуле...

При входе в плотные слои атмосферы...

Погиб...

~ ~ ~

Потом приехал отец, а следом, неделей позже, контейнер с нашими Объектными вещами прибыл на Товарную станцию. Оттуда бортовой грузовик привёз его к воротам Нежинской № 19.

Их разложили по всему двору. От ворот до погребника Пилюты: и шкаф, с зеркалом на двери, и раскладной диван-кровать, и два кресла с подлокотниками под жёлтым лаком, и телевизор, и всякую другую утварь. Прибыл также старомодный диван с дерматиновой спинкой, который в хату даже и заносить не стали, — некуда.

(...все мои чувства уместимы в пару слов — «бескрайний ужас», именно туда ввергает их одна только мысль: как смогли десять человек — (две семьи плюс общая Баба Катя) — годами размещаться и жить в одной кухне и одной комнате?)

Но я в те годы ни о чём таком не думал, потому что, раз это наш дом, и мы живём, как живём, то по-другому и быть никак не может. Всё идёт как надо, живу я тут, вот и всё, что ж непонятного?..)

На ночь, мы с братом укладывались на раскладном диване, в ногах у нас — Наташа, поперёк.

Свои ноги она выпрямляла на стул, придвинутый вплотную. Наши, мои и Сашкины, приходилось подтягивать чуть ли не до подбородка, не то сестричка разбурчится в темноте, начнёт стучать родителям (они на своей кровати под стеной напротив), что мы брыкаемся.

Ничего себе, а?! Сама может тянуть ноги сколько душе угодно, а если предлагаю местами поменяться — ей со мной, так она только носом крутит...

Семья Архипенко и Баба Катя спали на кухне...

... .

Параллельно Нежинской, метров через триста, шла улица Професийная. Улица с одной только стороной.

Вместо второй протянулась бесконечная стена из высоких бетонных плит, оборонявших Конотопский Паровозо-Вагоно-Ремонтный Завод. Однако в естественном межчеловеческом общении, это аномально бесконечное название подменялось кратким и благозвучным КаПэ-ВэРЗэ.

Именно завод (когдашние Механические Мастерские) стал причиной факту, что окраинная часть Конотопа, лежащая до Путепровода-Переезда наименовалась Посёлком КПВРЗ. В просторечии кратче, — «Посёлок».

По ту сторону Завода, такая же плито-бетонная стена отделяла его от множества железнодорожных путей Конотопской Пассажирской Станции, а также от прилегающей Товарной, где длинные товарные составы дожидались очереди тронуться по своим разным направлениям, потому что Конотоп — крупный железнодорожный узел.

Товарняки не только ждали, но и формировались в Конотопе. Для этого на Товарной станции имелась сортировочная горка — насыпь с пологим уклоном, на несколько метров выше остальных рельсовых путей. Маневровый локомотив втаскивал на горку вереницу товарных платформ и вагонов, от которой там, наверху, отцепляли, сколько требуется, и те катились обратно, вниз, своим ходом.

Поодиночно, или сцепками скатывались отпущенные части вереницы. Жел.-дор стрелки перенаправляли их на нужные пути в сортировочных раздорожьях рельс. Визжа железом тормозных башмаков, докатившиеся тяжко гахкали об уже отсортированные вагоны, под неразбериху криков громкоговорителей, орущих с бетонных столбов про номер готового состава на таком-то сортировочном пути.

Однако при свете дня симфония товарной горки не слишком донимала. Её трудовой пульс куда отчётливей всплывал в ночной тиши, по мере затухания прочих трудовых и бытовых шумов, производимых в светлую часть суток...

Независимо от времени дня и ночи, когда ветер дул со стороны Поповки (село напротив западной окраины), воздух наполнялся характерной аромой отходов тамошнего спиртзавода.

С лёгкой руки анонимного сентименталиста среди жителей Посёлка, данный атмосферный феномен именовался "Привет Поповки". Звучит не хуже "Красной Москвы", и уж куда как понежней, чем Hugo Boss...

Смрад не то, чтоб наповал убойный, однако лучше не принимать. Во всяком случае, насморк по таким дням считай за дар небес.

— О! Чувешь, как из Поповки приветом потянуло?

— У беда дасббогг.

— У, блин, везунчик!

... .

С Професийной, Улица Нежинская сообщалась сетью частых улочек.

Первой в ряду связующих транспортных артерий являлась (считая от школы № 13) улица Литейная, поскольку споконвеку выходила к бывшему литейному цеху на заводской территории, но впоследствии спрятанному бетонной стеной.

Затем шла улица Кузнечная, предлагавшая выгодный обзор высокой кирпичной трубы заводской кузни (по ту сторону уже упоминавшейся стены).

Потом от Нежинской ответвлялась (это уже миновав нашу хату в № 19) улица Гоголя, невзирая на невозможность обнаружить великого классика ни с одной стороны бетонной стены Завода.

Перечисленные три улицы отличала некоторая прямота, но последующие проулки, до и после Нежинского магазина, являли собой клубок неупорядоченной неразберихи. Распутываясь, он, в конечном итоге, выводил к бетону всё той же заводской ограды, при условии общего знакомства с навигацией по переулочным шхерам и фиордам...

... .

Нежинский магазин удостоился своего имени за то, что стоял на улице Нежинской. Он был самым большим из трёх магазинов на Посёлке. Которые помельче именовались по их номерам...

Нежинский магазин располагался в одноэтажном, однако высоком здании кирпичной кладки. При нём имелся проезжий двор без ворот, зато со складскими сараями.

Магазин состоял из четырёх отделов, каждый со своей отдельной дверью на улицу. Замутнённые течением времени, жестяные вывески над дверями указывали — куда за чем заходить: «Хлеб», «Промышленные товары», «Бакалея», «Рыба-Овощи».

«Хлеб» (в первой двери от левого угла) открывался утром и работал до того момента, пока не раскупятся батоны белого и буханки чёрного. Исполнив заявленное вывеской назначение, отдел спокойно запирали дверь к своим опустошённым полкам.

Во второй половине дня, по прибытии крытого жестью грузовика-фургона Конотопского хлебзавода, с надписью «ХЛЕБ» на борту, который привозил следующую партию кирпичей-батонов, отдел был вынужден открываться снова. На час-полтора.

Следующий, он же самый просторный из магазинных отделов — «Промышленные Товары».

К пыльному стеклу пары — (симметрично расположенных по обе стороны могучей двери) — витрин, изнутри плотно прижимались многозначительные украшения, исполненные в виде белых коробочек сигнализации о взломе.

За товарами, приговорёнными к пожизненному заключению под стеклом витрин-прилавков, следили три надсмотрщицы-продавщицы, в полуживом от скуки состоянии. С 9 до 6, к ним заглядывали две-три пары покупателей. От силы.

Аборигены Посёлка предпочитали съездить в Город, если возникла надобность в каком-то из товаров промышленной отрасли.

А вот пара продавщиц в отделе «Бакалея» трудились весь день как пчёлки. Иногда к ним даже выстраивалась очередь. Особенно по дням, когда в отдел завозили масло. Ножом, что смахивал на меч гладиатора, они шматовали этот жёлтый куб, взгромозжённый на прилавок около весов. Чтобы отвесить твои двести грамм, включая упаковочный квадрат рыхло-синей слегка влажноватой бумаги.

Когда же в «Бакалею» заходил рабочий Завода КПВРЗ, его обслуживали вне очереди, потому что копейки, зажатые в его рабочем кулаке, неоднократно загодя посчитаны. Точняк на бутылку, без сдачи, хоть штангельциркулем проверь.

К тому же, ему надо по быстрому вернуться на рабочее место. Он даже замазутченную спецовку не передел, чтоб не томились товарищи по труду.

Выбор водок в отделе отличался разнообразием оттенков и наименований. Тут тебе и «Зубровка», и «Ерофеич», и «Ещё по одной...» и так далее. Но все неизменно покупали лишь «Московскую», с бело-зелёной этикеткой.

Дверь в заключительный отдел, «Рыба-Овощи», размещалась за углом магазинного здания. Здесь хранился дух сухой земли от проданной в прошлом году картошки, и длился акт совместной летаргии початой бочки солёных огурцов и запылённых пустых полок. Потому его вообще не открывали. Сердоболие — исконно славянская черта.

А за Нежинским магазином шла улица Слесарная, и улица Колёсная и, в неисследованных пока ещё глубинах Посёлка, другие улицы, переулки, и тупики...

~ ~ ~

В первое же воскресенье после нашего приезда, Тётя Люда вывела меня и моих сестру с братом, по улице Кузнечной, на Професийную, единственную заасфальтированную улицу Посёлка. По ней мы двинулись в направлении Базара и через пять минут вышли к цели — Клуб КПВРЗ, с киносеансом для детей в три часа дня.

Клуб Завода смотрелся импозантно — здание из двух этажей, но высотой в обычные четыре. Кладку стен и окон разнообразили выступы, арки, столбики, оставляя впечатление кружев из кирпича старинного копчения. Бетонная стена Завода не упустила заграбастать в свою территорию тыл Клубного особняка.

На маленькой площади перед фасадом Клуба, стояло здание Главной Проходной, в таком же изощрённо дореволюционном стиле кладки. Напротив заводского входа-выхода, в архитектуре шёл переход к современной двухэтажности.

Смену стиля утверждал мутно-стеклянный куб Заводской Столовой. С чахлого газона на левом фланге от стекло-кубизма, за пешеходами присматривал бюст в пенснэ. Без всяких стёкол разумеется, а с дужкой, как у Чехова, изваянной на носу, для понятки.

Степан Радченко — конотопчанин-революционер. Среди сочувствующих делу революции оказалась всего пара выходцев из Конотопа — Степан да его старший брат.

Впрочем старшему деваться было некуда с его нелегальной должности казначея подпольной РСДРП — (для тех, кто при понятиях, объясним по-людски — братан, каррочи, общак держал бригадный, и не дожил до Октября) — до её раскола на меньшевиков и большевиков. Однако у прохожих такие подробности лучше не выспрашивать...

... .

По ступеням внутри гулко-го тамбура, мы вошли в узкий, но высокий вестибюль Клуба КПВРЗ.

Его переполняла разновозрастная, но одинаково крикливая детвора, толпясь в очереди к обитой жёстью двери. Через квадрат окошка, распахнутого посреди неё, велась продажа билетов на сеанс.

Какой-то пацанёнок, с виду второклассник, начал приставать к Тёте Люде, пытаясь выкалнчить 10 копеек на билет. Однако она гаркнула разок, и он заткнулся.

Тётя Люду заметно тешила царящая тут атмосфера, радовал случай окунуться в позабытый галдѣж малолеток перед дневным кино...

Так я освоил маршрут в Клуб, где, среди прочего всего, размещалась библиотека Завода.

Столы в её просторном зале-прихожей ломились под многослойными залежами подшивок широкополосных центральных газет. У городской, «РАДЯНСЬКИЙ ПРАПОР», при её более чем скромных габаритах, имелся отдельный стол.

Сквозь стекло в дверцах высоких шкафов проглядывали знакомые ряды никем не читанных работ Ленина-Маркса-Энгельса, и прочих многотомников равносильной популярности.

Следующий зал заполняли широкие ряды стеллажей с книгами для чтения. Излишне долго объяснять, что я мгновенно записался, потому что пара полок с макулатурно затрёпан-ными сказками, в Пионерской комнате школы № 13, фальсифицировали суть и назначение библиотек.

~ ~ ~

Первого мая наша школа вышла на общегородскую праздничную демонстрацию.

Колонну оживляла красочность парадной формы юных пионеров (верх — белые рубашки, красные косынки галстуков, низ — чем темнее, тем лучше). Прикиды учащихся старших классов отличала общая бесформенность.

Однако юноши в шагающе-вопящей толпоколонне школы № 13 декорировали её весомым украшением из несомых ими голов Членов Политбюро Центрального Комитета Коммунистической Партии Советского Союза.

Каждый из насаженных на струганные палки кровавого окраса чёрно-белый голово-портрет поручался группе из трёх-четырёх Членоносцев. Они сменяли друг друга, постепенно смы-ваясь, пока почётное бремя нести и украшать не оставалось для самого тупого.

Вслед за группой педагогов, сплотившихся вокруг Директора, будто его личная тело-охрана, мы прошагали по ухабам булыжного покрытия улицы Богдана Хмельницкого до Базара, где Професийная делилась своим асфальтом со спуском в туннель Путепровода.

Подъём в конце бетонированного туннеля вливался в Проспект Мира, который как по струнке пролегал к далёкому мосту в изумительно высокой насыпи железнодорожного полотна. Нырнув под мост, проспект мгновенно выныривал в жилмассиве Зеленчак, чтобы, минуя его кирпичные пятиэтажки, выйти на неоспоримый центра города — Площадь Мира.

Пронзив Площадь Мира по касательной, Проспект Мира отделял от неё здание Горсовета, и без того задвинутое в сквер из густых Каштанов.

Но даже и оттуда, оно продолжало безотрывно смотреть в сторону гранитного кольца вокруг фонтана в центре отделённой Площади.

Фонтан же из кольца и носа не показывал, никогда, чтоб не мешать Горсовету пялиться на замыкающее Площадь здание: Кинотеатр «Мир». Кстати, фасадные ступени у него тоже из гранита. Однако, в отличие от некоторых гранитоокольцованных, кинотеатр работал, причём — без выходов.

Средняя из трёх Каштановых аллей сквера, что прямиком вела к ступеням входа в Горсовет, перекрывалась на каждый Божий всенародный праздник. Её баррикадировала высокая красная трибуна, мимо которой прошагивал весь город в праздничных колоннах трудовых коллективов. За исключением жильцов пятиэтажек, обступивших Площадь, которые наблюдали демонстрации по-патрициански — свысока. Со своих балконов. Везёт же людям, а?!

По пути к Площади Мира, колонну школы № 13 подстерегали частые стояния на месте, всерьёз и надолго. Приходилось ждать, пока школы предыдущих номеров подтянутся и пройдут вперёд.

Однако трудовые коллективы предприятий пропускали нас, как, например, Локомотивное Депо или, скажем, Дистанция Пути Юго-Западной Железной Дороги.

Белые буквы, рельефно вырезанные из пенопласта, объявляли, контрастно выделяясь поверх малинового бархата щитов с велосипедными колёсами, принадлежность их колонн.

В честь демонстрации, ни одно средство передвижения не шло на риск показаться, хоть случайно, на всём протяжении Проспекта Мира.

Не-а. Ни трамвай, ни грузовик, ни даже легковушка.

Вокруг только люди, множество людей, шагающих в потоке колонн во всю ширь Проспекта или же запрудивших тротуар, чтобы стоять как живые берега, глаза на общее течение.

И это делало Первوماй таким особенным, непохожим на другие дни...

На финишной прямой, войдя на Площадь Мира, мы вдруг подменяли торжественную маршировку фривольной рысью.

Мы бежали, как в атаку, задыхаясь от смеха и бега, со скособоченными Членами наперевес, потому что, как всегда, с колоннами случилась перепутаница и нас передержали.

А поскольку школа № 13 занимала предпоследнее место в нумерации школ города, то к моменту, когда мы, в смеси с галопирующим табуном школы № 14, миновали красную трибуну, репродукторы кричали сверху: «На Площадь вступает колонна Конотопского Железнодорожного Техникума! Ура, товарищи!»— И приходилось урвать не себе.

После Площади Мира, Проспект дотягивал до входа в Городской Парк Отдыха, но на большее его уже не хватало. Вправо начинался уклон к улице Ленина, впрочем, до такого мы не опускались.

В ближайшем же из переулков, мы сваливали Политбюрократических Членов и свёртки красных транспарантов в кузов грузовика, который увозил их на Посёлок. Под замок в комнате Завхоза школы.

Срок в полгода — до следующей демонстрации.

И мы тоже отправлялись обратно, пешком, далеко огибая Площадь Мира, потому что проходы между домов её периметра перекрыты пустыми автобусами. Лоб в лоб. В просветах между мордами кабин виднеется широкое безлюдье вокруг ямы фонтана, окольцованного сухим гранитом, и лениво бродящие фигуры ментов-одиночек.

И всё же это был праздник, потому что перед выходом на демонстрацию, мать уделяла каждому из нас по пятьдесят копеек, с которых даже оставалась сдача.

Мини-кирпичик Пломбира в тонкой бумажной обёртке стоил 18 коп., а Сливочное так вообще 13.

Женщины в белых халатах продавали мороженое, стоя над фанерными ящиками, с двойным дном и стенками, на каждом перекрёстке Проспекта Мира, свободного от всех видов транспорта.

... .

Когда я вернулся домой, струйки учащихся в белых рубашках и алых галстуках пионеров-ленинцев всё ещё шагали вдоль Нежинской, растекаясь по Посёлку с демонстрации.

И тогда я совершил первый подлый поступок в моей жизни. Самый первый.

Я вышел на улицу и выстрелил из своего шпоночного пистолета в ни в чём не повинную белую спину пионера, прошагавшего мимо.

Он погнался за мной, но я убежал во двор, к Жулькиной будке. Войти он побоялся, и только сыпал руганью в распахнутую калитку. Ему в ответ, Жулька дёргал свою цепь как бешеный, разрываясь в остервенелом лае..

~ ~ ~

Ближе к лету родители купили козу на Базаре, потому что, когда на Заводе отцу выдали первую получку, и он принёс домой 74 рубля, мать растерянно посмотрела на бумажки в его руках и сказала: «Как? Это всё?»

Предполагалось, что животное облегчит жизнь, но на самом деле, коза её лишь усложнила. Теперь мне приходилось выгуливать рогатую скотину на верёвке, в улицу Кузнечную

или Литейную, или во 2-й переулок улицы Коцюбинского, где она грызла пыльную траву под ветхими от погодных условий заборами.

Пить козье молоко я наотрез отказывался, несмотря на ласковые уговоры матери, что оно очень полезно для здоровья.

Спустя непродолжительный период времени, козу зарезали и перекурили на котлеты. Их я даже и пробовать не стал.

... .

Иногда сын Бабы Кати, Дядя Вадя, приходил из своего обеденного перерыва на Заводе к нам на хату, в рабочей спецовке, — цыганить у своей матери самогон, потому как хлопцы в цеху ждут. Но она умела отнекаться.

У Дяди Вади были чёрные волосы, гладко зачёсанные назад, и щётка усов, тоже чёрных, а цвет лица с оливковым оттенком, как у Артура в романе Лиlian Войнич "Овод". На правой руке его не хватало одного пальца, который он утратил в начале своей трудовой карьеры.

— Я сперва не врубился. Ну ладно, вот это мой палец на станке валяется, но вода откуда? Тю! Так это ж у меня слёзы с глаз, прям на него: кап-кап! — Так вспоминал он этот случай.

Врачи очень хорошо зашили обрубок — гладко, без швов — так, что когда он скручивал дулю, получалось две. Двуствольная (2 в 1), она вызывала смех, и фига с два, чтоб кто-то выдал подобный номер.

Жил Дядя Вадя в доме своей тёщи, возле Автовокзала. На Украинском, проживающего в доме родителей жены называют «примак», от слова «принятый».

Горька примакская доля! Дядя Вадя объяснял, что примак должен держаться ниже травы тише воды, к тёще обращаться исключительно на «Мама», и уступать дорогу курицам, которых она держит во дворе. И не забыть помыть всё тем же курвам ноги на ночь, когда отправляются спать на насест.

Мы все любили Дядю Вадю, потому что он всегда такой смешной и добрый, и улыбается всё время. Даже здоровался он, как никто другой: «Ну, как вы, детки золотые?»

Когда мать и младшие ходили к нему на день рождения, он подарил им коробочку с домино. Цвета слоновой кости, и коробочка, и домино. Такой изысканно желтоватый оттенок.

К сожалению, одной костяшки там не доставало. "Пусто-три". А так всё на месте.

Короче, играть получается. Мы проверяли. Правда, не очень долго. Если знаешь про недостачу, то на игру как-то уже не тянет. Но всё равно, сама игра ещё долго валялась в каком-то из ящиков стола. Несколько лет валялась. Аккуратная такая коробочка с тонкой пластмассовой надписью «Домино». И цвет изящный такой... Слоновый.

А сын у Дяди Вади уродился с разноцветными глазами — один синий, а другой зелёный...

В возрасте десяти лет, когда Немецкий штаб роты квартировал буквально за стенкой — на половине Пилюты — юный Вадик Вахимов беззаветно вскарабкался на забор, рядом с Вязом за хатой, и попытался обрезать телефонный кабель штабной связи оккупантов.

Немцы на него наорали, но не пристрелили, как принято у всех Немцев в кинушках про войну.

На мой вопрос, как он набрался такой смелости, Дядя Вадя отвечал, что он уж не помнит.

Однако вряд ли он мечтал стать юным пионером-партизаном, посмертным Героем Советского Союза. Скорее всего, его заманили тонкие проводки в разноцветной изоляции, из которых состоит телефонный кабель. А главное — из них плетут различные поделки: разноцветные столбики, перстеньки-колечки всякие...

... .

По дороге в Нежинский магазин, меня обогнала пара ездовых на одном велосипеде. Сперва обогнали, а потом, который сидел на багажнике задом наперёд с ногами вразлёт, спрыгнул на землю и вкатил мне оплеуху.

Даже просто пощёчина является беспредельным оскорблением чести, а он с размаху так... а и к тому же, на полголовы ниже меня...

Однако я воздержался затеять драку, потому что второй уже слез с велика. Здоровенный такой бычара.

— Я ж говорил, что ещё получишь. — Сказал коротышка, и они укатили.

Тут мне дошло, в чью спину я стрелял.

~ ~ ~ иллюзии в реале

Сеансы в Клубе начинались в шесть и в восемь вечера. С билетом, купленным сквозь обтянутую жестью дверь на первом этаже, кинозритель восходил на второй, ступая по толстым доскам в ступенях двух прямых пролётов под щедрым слоем красной половой краски.

На мелких плитках керамики в полу площадки второго этажа стоял сумрак. Постоянно.

Неясно откуда он брался вообще, с учётом пары высоких окон в стене напротив завершившихся ступеней, но он никуда не уходил, несмотря на три двери вокруг него.

Дверь направо открывала доступ в небольшой холл с ящиком телевизора на закреплённой к стене полке. Высота от пола до ящика предоставляла желающему среднего роста возможность пощёлкать и покрутить ручки настройки.

Только он зря мечтал об этом, слепо уставясь утухшим экраном на дюжину коротких рядов из неизменно пустых сидений. Желающего включить его не находилось.

За спиной отсутствующей аудитории, металл арматуры, окрашенной чёрным, круто взвился перилами-ступенями лестницы к железной двери в кинобудку.

Холл был из породы проходных — по его углам, в одной стене с коматозным телеком, две крупногабаритные двери открывались в один и тот же, бескрайний зал Балетной Студии.

Впрочем, с билетом на сеанс в кармане, там делать практически нечего. Так что — назад, в сумрак на площадке, окутавший пару, пока что неисследованных дверей.

Первая дверь по левую руку от всё тех же мощных ступеней никогда не открывалась, будучи дверью на балкон Клубного зала. Следующая за ней, заключительная в площадочной троице, стояла приглашающе распахнутой, но под охраной и недремным контролем вечно угрюмой Тёти Шуры.

Своим тёмно-клетчатым платком, стоявшим (неизменно!) колом, она смахивала на витязя в дозоре, чья голова покрыта шлемом с шишаком. Оба — (и шлем, и шишак) — кованы из железа, как и положено по технике безопасности средневековья. Князь Владимир Красно Солнышко поставил её тут, чтоб обрывала контрольный кончик твоему билету, прежде чем впустить.

Пол необъятного зала полого уходил, неся с неприметным уклоном плотные ряды сидений из потемнелой древесины, к широкому белому экрану — от стены, до стены.

Большая сцена с крылечком и входной дверью, рядом с каждой из боковых стен, надёжно пряталась экраном. Однако для концертов и представлений кукольного театра, он сдвигался влево, до упора, и белизну сменял тёмно-синий бархатом занавеса сцены.

Открытый балкон, окружавший патио зала, украшали гроздья алебастровой лепнины, на всём его протяжении вдоль боковых стен.

Однако до сцены он ни с какого боку не дотягивался, заканчиваясь чёрно-головастыми стояками прожекторов, наподобие боевых треног марсиан, напавших на Землю, благодаря горячечным фантазиям Герберта Уэльса.

Вдоль задней стены, балконы резко ныряли из обоих углов к своей запертой снаружи двери, чтобы не загораживать бойницы кинобудки.

... .

В вестибюле на первом этаже, между дверью с окошечком для продажи кинобилетов и дверью в кабинет Директора, вешивался список кинофильмов на текущий месяц, писанный кистью по холсту на крепкой деревянной раме.

Фильмы менялись ежедневно, за исключением понедельника, когда их вообще не крутили. Список помогал заранее определиться — в какой день попросить у матери 20 копеек на билет...

Лето абсолютно аннулировало расходы на кино, потому что Парк КПВРЗ — отделённый от спуска в Путепровод длинным зданием в два этажа, жилым, несмотря на ветхость — был создан для экономии.

В Парке, помимо трёх аллей, запертой танцплощадки и протяжённо-объёмистой беседки пивного павильона, имелся также летний кинотеатр под открытым небом. Его дощатые, различной высоты стены предоставляли — (особенно задние, по обе стороны от кинобудки) — желающему дыры и щели, на высоте достаточно удобной для кинопросмотра одним глазом...

Сеанс начинался в девять, когда в летние сумерки закрадывался намёк и обещание стуситься. Конкретным сигналом начала служил обрыв музыки, которая лилась по парку из мощных динамиков на сцене кинотеатра с момента прихода киномехаников на своё рабочее место.

Впрочем, этот же сигнал мог означать отмену сеанса, если кассе не удалось продать хотя бы четыре билета.

Казалось бы — как?! Не наскреблось две пары зрителей? Увы, но да, когда новое поколение избирает просмотр фильма из-за пределов кинотеатральной загородки.

Однако полтора часа переминаться с ноги на ногу, пока твой нос уткнут в занозы досок, опершавленных неумолимым временем и плохо воспитанной погодой... Нет, язык не повернётся назвать такое «комфортным запонением досуга».

А с другой стороны, киномана, сиганувшего через забор, неизбежно обнаружит бдительная тётя Шура (с первого же прочёсывания аудитории на скамейках зала под открытым небом) и выведет, бубня свои негромкие, но угрюмые нотации. Вся из себя такая — педагогиня с шишаком витязя.

В подобных обстоятельствах, истинный фанат киноискусства предпочтёт усестись на какой-нибудь из старых Яблонь, чья молодость прошла, когда кинобудки ещё и в проекте не было.

Если развилка, в которую ты втиснул свой тощий зад, узковата или же сук под задницей чересчур узловат, в следующий раз почешешься прийти пораньше, занять более ВИПное древокресло...

Фильм крутится, объятый темнотой, уже сгустившейся вокруг пары фонарей в аллеях Парка...

В просветах меж непрглядностью листвы в яблоневой кроне, помигивают всё понимающие звёзды летнего неба...

На серебряном экране чёрно-белые "Весёлые Ребята" Леонида Утёсова мутузят друг друга барабанами и контрабасами, а в менее уморные моменты запускаешь руку в переплетения яблоневых веток, чтоб нашарить, где-то в районе созвездий Андромеды и Кассиопеи, несъедобное яблочко, и мелко покусывать его твердокаменный, убойно кислый бок, поглядывая на пляшущие ножки Анюты в исполнении Любви Орловой...

После хорошего фильма, ну, как тот, с Родионом Нахапетовым, где нету драк, войны и Немцев, а просто про жизнь, про смерть, про любовь и красивую езду на мотоцикле по морскому мелководью, зрители выходили за ворота Парка, на неровный булыжник в мостовой улицы Будённого, без обычных бандитских посвистов или кошачьих воплей, а притихшей негустой толпой людей умиротворённых, словно бы сроднившихся за сеанс.

И они шли сквозь темень тёплой ночи, редая рядами на раздорожьях в переулки, к одиночному фонарю столба у перекрёстка улиц Богдана Хмельницкого и Професийной, напротив Базара...

~ ~ ~

Но главное, что делает летнюю пору самым притягательным из времён года, — это, конечно же, купание.

Открытие купального сезона на Кандыбине, в конце мая, — знак наступившего в Конопте лета.

Кандыбино — это ряд озёр для разведения зеркального карпа, и там же, заодно, берёт начало река Езуч.

Когда-нибудь, по разделяющим озёра дамбам, проедет обходчик на велосипеде, чтобы хлопцы не слишком-то браконьерили своими удочками. Только в одном из озёр карпа не растят, оно отдано на произвол пляжников.

Однако для хождений на Кандыбино, надо сначала знать, как туда пойти. Мать сказала, что хотя девушкой она там и бывала, объяснить всё равно не сможет, а лучше спросить Дядю Толика, который и на работу, и с работы, и везде фактически ездит на своей «Яве», уж он-то все дороги знает.

Кандыбино, по его наводке, найти проще простого. Гонишь в Город по Проспекту Мира, за мостом железнодорожной насыпи — первый поворот направо; пропустить невозможно — это шоссе на Ромны.

Потом прямо, до перекрёстка, и там тоже направо, до железнодорожного шлагбаума, за колеёй — налево, вот оно тебе и Кандыбино...

Младшие, дело ясное, тоже увязались. Мы взяли старое постельное покрывало, чтобы на чём-то загорать, сунули его в сетку-авоську, добавили бутылку с водой, и пошли на Переезд-Путепровод, где начинается Проспект Мира. До железнодорожной насыпи дорога вполне нам известна, после первомайской демонстрации.

Мы прошли под мостом и сразу же увидели её, — дорогу вправо вдоль основания крутой высокой насыпи.

Вообще-то на шоссе она не слишком-то похожа, асфальта нет. Однако довольно широка, к тому же — первая направо. Так что мы свернули и потопали, там дальше перекрёсток должен быть, нет?...

Но чем дальше мы шли, тем Уже становилась дорога, превращалась в широкую тропу вдоль насыпи, потом просто в тропку, а там — и совсем пропала.

Не оставалось ничего другого, как только взобраться на высокую, заросшую травой насыпь, вытряхнуть песок из сандалий, и шагать по шпалам или по бесконечно протяжённой головке рельса. Правда, идти по ней хотя бы минуты две — не хватит равновесия, а неравномерно уложенные шпалы из бетона вынуждали делать настолько же неравномерные шаги.

Но мы упорно продолжали путь.

Наташа первой замечала настигавшие нас поезда. Мы сходили на россыпь гравия в обочине, уступая путь слитному грохоту проносившихся вагонов, хлеставших нас тугими ключьями скоростного ветра.

Когда мы дошли до следующего моста, то внизу не оказалось ни проспекта, ни улицы, а только другие железнодорожные пути. Наша насыпь заворачивала вправо, в пологий уклон, параллельно с остальными, к далёкому Вокзалу.

Стало понятно, что мы идём в обратном направлении, а вовсе не на пляж.

Впрочем, приунуть мы не успели, потому что далеко внизу, под нашей насыпью, и под насыпью путей, проложенных под мостом, различили небольшое поле.

Две группы крохотных, на таком расстоянии, ребят в лёгких летних одежках и с такими же, как у нас, авоськами, шагали к зелёной роще за полем, а и с ними, к тому же, был мяч. Куда же ещё, если не на пляж?

Мы спустились с двух высоких насыпей, и пошли по той же тропе через поле, как и предыдущие ребята, которые давно пропали из виду.

Потом мы миновали Осиную рощу, с очень удобной для шагания веткой железнодорожного пути, где между широких деревянных шпал вместо гравия ровно утоптанная земля.

За рощей — шоссе с парой шлагбаумов, задранных по обе стороны от колеи.

Перейдя дорогу, мы свернули на широкую, местами вязкую тропу среди поросли ярко-зелёных трав. Грудь расправилась осторожным ликованием: Ага, Кандыбино! Не уйдёшь!

Потому что той же тропой шли люди явно пляжного вида, в обоих направлениях, но туда больше, чем обратно.

Тропа вывела к широкому каналу тёмной воды между берегом и невысокой противоположной дамбой рыбных озёр.

Однако на этом она не закончилась, а пошла дальше вдоль берега. Мы шагали по ней среди деревьев, покрытых молодой зелёной листвой, для контраста с белыми облаками и солнцем, в лазурной сини неба.

Правильные ряды фруктовых деревьев ничейно-заброшенного сада взбирались на пологий склон вправо от тропы. А канал слева раздался вскоре в озеро с белым песком по берегу.

Несколько Сосен сбились в тенистую группу на пригорке, перед которым песок прибрежной полосы сменялся травой, утоптанной вокруг высоких кустов смородины бесхозного сада.

Мы выбрали свободный кусок травы под наше покрывало, быстренько разделись и — бросились по обжигающе горячему песку к воде, летящей, со всех сторон и по всем направлениям, сверкая брызгами, плеща в лица десятков купальщиков, которые вопили, орали, хохотали и, в безудержном веселье, колошматили Кандыбино до белопенности...

Лето! Ах, Лето!...

... .

Как выяснилось позже, Дядя Толик даже и не знал про ту исчезающую дорогу, вдоль подножия насыпи, ведь его мотоцикл, с рёвом выскочив из-под моста на Проспекте Мира, за две секунды долетал к повороту на Ромны, а ногами там топтать метров сто с гаком.

~ ~ ~

В списке фильмов на воскресенье в конце июля стояли «Сыновья Большой Медведицы», так что мы с Чепой уговорились не пропустить это кино, потому что Гойко Митич играл там одного из её сыновей.

Этот Югославский Митич часто снимался краснокожим героем вестернов из ГДР, а при его участии даже от восточных Немцев вполне можно ждать неплохое кино. Правда, в Советском прокате эти вестерны становились чёрно-белыми. Наверное, для экономии цветной плёнки.

Конечно, список не сообщал всех этих подробностей, или вообще хоть что-то, кроме названия и даты показа, однако фильмы добирались до Клуба не раньше, чем через полгода после их недельного показа в Кинотеатре «Мир».

На следующую неделю, они перекочёвывали в Кинотеатр им. Воронцова на Площади Конотопских Дивизий. Затем пять-шесть месяцев о них ни слуху ни духу, пока не вынырнут в Доме Культуры им. Луначарского, а значит через неделю максимум будут крутиться в Клубе. Но откуда бралось всё остальное для заполнения почти ежедневного проката? Такая загадка не всякому Шерлоку по плечу.

Как бы там ни было, имея кинопосещающих друзей, ты без проблематичности мог принимать взвешенное решение.

Нас как-то не особо тянуло в центральные кинотеатры на свежее кино. Не потому что тише едешь — дальше будешь, и лучше уж дожидаться отзыва друзей с их безупречным вкусом. Нет, иногда эти эстеты превозносили полное фуфло.

Причина была куда проще, и вместе с тем весомей — билет в Кинотеатре «Мир» обходился в 50 коп. (плюс трамвайные расходы). За тот же самый фильм в к-те им. Воронцова (спустя неделю) выкладываешь 35 коп. (не считая на трамвай). А терпеливо выждав каких-нибудь два месяца, относишь в Клуб вполне приемлемые 20 коп. Пешком.

Согласен, разница не настолько велика, чтоб ты её почувствовал при посещении кино раз в год. Но если ты фанат волшебного искусства, а деньги на билет просишь у матери...

... .

В то воскресенье мы втроём — Куба, Чепка и я — сгоняли на Кандыбино на великах. Там мы поплавали и поныряли, по очереди, с самодельного трамплина. Двое стоят по грудь в воде, сплетают руки, чтобы подбросить третьего, который на них влезит, хватаясь за две мокрые головы.

Ну и конечно, в пятнашки поиграли, хотя догнать Кубу под водой, даже мечтать нечего.

Потом он и Чепка куда-то запропастились в толпе купальщиков. Я побродил посреди всех тех брызгов-визгов — нет нигде, как в воду канули.

На всякий, я ещё и на тот берег сплавал, который, заодно, — дамба рыбных озёр. Там пара хлопцев удили, потому что и в купальном тоже клюёт, но при этом, пасли момент закинуть удочки в зеркально-карповый рай за дамбой, когда сторож закончит свой объезд.

Чтоб рыбу им не распугивать, тихо-тихо отплыл я обратно. Ещё раз прочесал толпу в воде... Не-а, без толку... И тогда решил, что хватит уже.

На берег выхожу синий от холода, гусиная кожа пупырьями, не меньше тех смородин, которым даже дозреть не дают. А эта пара обалдуюев навстречу мне гарцуют от кустов сада, волосы на головах давно сухие. «К-ку-д-да вы д-де-ли-ся?»

— Мы опять заходим! Погнали!

— Вы ч-чё ч-о-кну-лись? Я т-токо-т-токо вылаж-жу!

— Ну так и шо? Погнали!

— А-а б-блин! П-пагнали н-наши г-га-рад-ских!

И, в три пары ног, взбивая пену всплесков, рванули наперегонки, к местам поглубже — нырять, орать, дуреть...

Лето, оно тем и лето, что лето...

... .

Куба в кино не захотел, он этот вестерн уже видел, и Чепка тоже передумал. Но это меня не остановило. Я всё равно решил взять у матери 20 копеек, и сходить на шестичасовОй сеанс.

Пригнал велик во двор, захожу в хату, тут Баба Катя мне и говорит, что родители два часа как ушли вместе с младшими, и она не знает куда.

Ну, так и что? До следующего сеанса ещё три часа, успеют вернуться...

В конце третьего часа я был раздавлен неодолимой тревогой — ну, где же они могут быть?

И я снова спросил, но уже у Тёти Люды. Та с полнейшим равнодушием (и какой-то даже злостью) ответила: «Да, я бы и тебя не видела». Она всегда такой становится, когда Дядь Толик уезжает на рыбалку.

Прошло ещё два часа, сеанс давно закончился, но, полный предчувствия неизбежной, и даже уже свершившейся катастрофы, я не хотел уже никакого кино.

В приливах растущего отчаяния, мерещились обрывистые картинки грузовика, выско-чившего на тротуар, неясно угасающий вой сирены «скорой»...

Одно лишь проступало с полной отчётливостью — у меня больше нет ни родителей, ни сестры с братом.

Наступила ночь. Дядя Толик затормозил перед калиткой, вернувшись с рыбалки, прока-тил умолкшую «Яву» через двор, к секции в сарае. Он ушёл в хату, а я, замордованный бедой, расплющенный жерновами горя, так и сидел на траве, рядом с дремлющим Жулькой...

И уже совсем поздно, звякнула клямка калитки. Послышался весёлый голос матери, и Сашка с Наташкой забежали во двор.

Я рванулся навстречу им, разрываемый радостью и обидой:

— Ну где же вы были?!

— В гостях у Дяди Вади, — сказала мать. — А ты что это такой?

Взрыднув, я сбивчиво забормотал про сыновей медведицы и двадцать копеек, потому что не мог объяснить, что мне на целые полдня пришлось остаться круглым сиротой, лицом к лицу с жизнью без всяческой семьи.

— Мог бы попросить деньги у Тёти Люды.

— Да? Я спросил, где вы, а она говорит, глаза б её на меня не смотрели.

— Что?! А ну, идём в хату!

Дома она скандалила с сестрой, а Тётя Люда отвечала, что всё это брехня, и что она сказала только, что и меня бы не видела, если б я к ней не подошёл. Но я упорно повторял свою брехню.

Мать и Тётя Люда кричали друг на друга всё громче и непонятнее. Баба Катя пыталась их урезонить: «Да, перестаньте, стыд перед людьми! Соседи слышат, на улицу слышно!»

Наташа, Саша, Ирочка, и Валерик, с глазами круглыми от страха, толпились в двери между кухней и комнатой, где Дядя Толик и отец сидели, молча супясь на ящик телевизора в углу...

Так совершилась вторая моя подлость в жизни — возвёл напраслину, оклеветал свою, ни в чём не повинную тётку. И хотя её ответ на мой вопрос, я истолковал именно так, как изложил позднее матери, всё ж, после тёткиных разъяснений, я мог бы признать, да, именно так она сказала. Но нет, не признался в подлой лжи.

Утаённая ложь наполняла меня раскаянием (также невысказанным), чувством вины за громкий скандал в хате. Я оказался кругом виноват — перед Тётей Людой с её детьми, перед матерью, которую обманул. Да вообще перед всеми, вплоть до Жульки, что я такой рохля — разнюнился: «Ах, папы-мамы нет дома! Остался один-одинёшенек!»

Моё раскаяние не высказалось, не облегчилось признанием, потому, что нас, героев того времени, не учили просить извинения.

Да, иногда в кино мог услышать, как это делается, в каком-нибудь зарубежном, но киностудия им. Горького не акцентировала подобные моменты.

Поэтому в жизни, если толкнёшь случайно, наступишь, или ещё там что, нечаянно, то: «Звыняй, шо мало!» — За глаза хватало. Ну, типа: видишь, я ж заметил же ж.

Весь этот шум из ничего положил начало медленному, как рост сталагмита, не приметному процессу моего отчуждения и превращения в «отрезанный ломоть», как зачастую диагностировал отец.

Я начинал жить отдельной, собственной жизнью, хотя, конечно, не чувствовал этого и не осознавал, а просто жил себе и всё тут...

~ ~ ~ кентаврожитие

Мать с Тётей Людой быстро помирились, после того, как Тётя Люда показала ей правильную ноту при исполнении новомодной песни «Всюди буйно квітне черемшина».

К тому же, со своей работы она приносила продукты, которых нигде не купить. Выбор товаров на магазинных полках не ломил их чрезмерным обилием. Всё более-менее стоящее продавалось из-под прилавка и исключительно нужным людям, у которых и тебе придётся что-то попросить. Ну, и родственникам работников торговли кой-что перепало, по государственным расценкам...

Тёть Люда так смешно рассказывала про обеденные перерывы у них в магазине.

Как запрут на засов входную дверь с улицы Ленина, то все продавщицы сходятся в раздевалку, и — начинают хвастать, у кого, что вкусенького в литровой банке с обедом, который принесла из дОму в этот день.

Сравнивают, у кого как пахнет, обсуждают у кого смотрится лучше, рецептами делятся.

Завмаг, та отдельно ест, в своём кабинете, но дверь нараспашку держит, и когда у неё на столе зазвонит телефон, она трубку снимет — да? вам кого? — а потом кричит, через коридор, чтоб в раздевалке услышали.

Ну, вызванная бегом-бегом в кабинет, потом обратно... Но всё равно, от её вкусенького осталось уже на доньшке.

Лучше один раз лизнуть, чем сто раз взглянуть, пральна?

Но одна у них там есть, вот же сучка хитрая! Завмаг ей покричит «к телефону!», так эта зараза, не спеша так, подымет, делает «хырк!» и в свою банку «тьфу!», и — пошла, даже не оглянется.

И хоть полчаса там по телефону говорит, никто даже не глянет на её обед. Йехк!

. . . .

Мать тоже устроилась работать в торговле, на должность кассира в большом Гастрономе № 6 возле Вокзала. Но через два месяца у неё там случилась большая недостача.

Она очень переживала и повторяла всё время, что не могла так ошибиться. Наверное, кто-то из работников магазина выбил чек на крупную сумму, пока она вышла в туалет, а кассовый аппарат запереть забыла.

Пришлось продать пальто отца, из чистой кожи, купленное ещё в бытность на Объекте.

После этого мать трудилась в одиночку, в торговых точках, где нет подозрительного коллектива, а только она одна — в ларьках Городского Парка Отдыха, рядом с Площадью Мира, в них продают вино, печенье, сигареты, пиво разливное...

~ ~ ~

В конце лета в хате снова состоялся скандал, но в этот раз шла не разборка между сёстрами, а между мужем и женой.

А всё из-за грибов, которые Дядя Толик привёз из лесу, в кульке из газеты. Не очень-то и много, хотя на суп хватило бы.

Этот свёрток раздора, Дядь Толик аккуратно обвязал и положил в сетку, чтобы повесить на руль «Явы» и не растерять по дороге.

Но дома, вместо благодарности, Тётя Люда устроила ему бучу, как увидела, что газета обвязана бретелькой от лифчика.

Напрасно Дядя Толик твердил, что подобрал в лесу эту «паварозку хренову», Тёть Люда всё громче и громче ему объявляла, что она не вчера родилась, и пусть ей покажут лес, где на кустах лифчики растут, и нечего из неё дуру делать...

Баба Катя уже не пыталась утихомирить дебаты сторон, и только смотрела вокруг себя грустными глазами.

(... и это стало уроком сразу для двоих — Дядя Толик никогда больше не привозил домой грибы, а я усвоил слово «бретелька»...).

Но Тётя Люда, развивая выгодность момента, попыталась даже вообще отменить выезды Дяди Толика на рыбалку. И тогда уже он начал повышать голос до тех пор, пока не нашёлся компромисс — ему позволено и дальше увлекаться рыбной ловлей, но при условии, что на рыбалку он берёт с собой меня.

Так что в последующие два-три года, с весны до поздней осени, каждый выходной, с парой удочек и спиннингом, примотанными к багажнику его «Явы», мы закатывались на рыбалку.

... .

Основной театр рыбацких действий в наших вылазках сосредоточился на Сейму. Всякий раз — новое место вдоль его неизменно живописных берегов.

Случались рейды и на далёкую Десну тоже, но это не менее 70 км в один конец, и туда приходилось выезжать затемно...

Обгоняя треск собственного мотора, неслась «Ява» по городу, мирно похрапывающему в безмятежном сне. Все, поголовно, — в объятиях Морфея, ГАИшникам снится погоня, но и они упорно дрыхнут...

Одолев 30 км лотков и колдобин Батуринского шоссе, мы вырывались на Московскую трассу, где Дядя Толик порою выжимал из Чехословацкого мотора 120 км в час...

Когда мы сворачивали на полевые дороги, «Ява» сбавляла ход и рассвет начинал наступать её.

Я сидел сзади, охватив бока Дяди Толика руками, засунутыми в карманы его мотоциклетной куртки искусственной кожи, чтобы они вконец не задубели под встречным ветром.

Ночь вокруг мало-помалу превращалась в сумерки, края лесополос между полей прочерчивались уже чёрно-отчётливыми сгустками.

Небо светлело, в нём начинали различаться обрывки облаков. Их продрогшая бледность смущённо розовела под охальным лапаньем лучей, тянувшихся через всё небо. Поймали момент, когда их наглость не замечается замешкавшимся за горизонтом солнцем...

От этих перемен и дух захватывающих видов, вскипал, бурлил по горло восторг не меньший, чем от скоростной езды...

... .

Обычно мы ловили на червей из огородных грядок, но однажды продвинутые ветераны рыбной ловли присоветовали Дядю Толику попробовать личинки стрекозы.

Эти фигнюшки живут под водой, в глыбах глины, подмытой течением из обрывистых берегов, и рыбы устраивают бои без правил, за право лично заглотить крючок с личиночной наживкой. Ну, или типа того...

Мы выехали на берег в предрассветных сумерках. «Ява» откашлялась и смолкла. Сонно поплескивала река, испуская полупрозрачно туманистые клочья пара, плывущие над водой.

Дядя Толик негромко объяснил, что планом операции именно мне предусмотрено вытаскивать те глыбы глины.

Одна лишь мысль, что предстоит окунаться в тёмную, — окутанную сумраком ещё не миновавшей ночи, — воду, послала мороз в бег трусцой по моей испуганно подрагивающей коже. Брр!

Однако любишь кататься — люби и личинок доставать. Я разделся и, по совету старшего, сразу нырнул под воду.

Ух-ты! Оказывается, в воде куда теплее, чем в сырой промозглости утра на берегу. Я подтаскивал скользкие глыбы из реки, а Дядя Толик разламывал их, у самой кромки воды, и выколупывал личинок из туннелей, которые они навертели в глине, чтобы там жить.

Когда он сказал, что уже хватит, мне жутко не хотелось покидать неторопливо струящееся тепло...

Но всё равно — налицо неоспоримый факт вопиющей эксплуатации несовершеннолетнего труда, и эксплуататор понёс заслуженное возмездие, в тот же день. Некоторые вопиющие просто нельзя откладывать в долгий ящик...

Из всех снастей, Дядь Толик тормознул своё предпочтение на спиннинге. Резким взмахом, он посылал блесну булькнуть как минимум посреди реки, а затем принимался стрекотать катушкой, дёргать хлыст и менять зигзаги курса кувыркливо мчащей под водой приманки.

Горя азартом, изголодавшийся хищник, — щука или, там, окунь, — бросался догнать оборзело шалую рыбёшку и заглатывал тройной крючок, неразличимый в блеске блесны-вертихвостки. Если только рыбак забросил в правильное место в правильный момент...

Где-то к полудню, мы поменяли дислокацию в район незнакомого деревянного моста через реку, и Дядя Толик перешёл на противоположный высокий берег, спиннингуя, тут и там.

Оставшись один, я прилежно присматривал за поплавами пары удочек, воткнутых в песок рядом с неспешным течением. Затем меня потянуло перебазироваться на более выгодную позицию, чуть повыше, где я и залёг в полосе прибрежной травы. Но поплавы оставались видны как на ладони.

Когда Дядя Толик повернул обратно, шагая по дальнему берегу, я не вынул свою голову из травы, а вместо этого злорадно наблюдал, как он продирается через джунгли травинки-былинки, росших на уровне моих глаз. Это старинный киношный трюк при комбинированных съёмках.

Так я сделал его лилипутиком, и продержал в букашечном состоянии до самого моста. Да — сурово, но справедливо...

~ ~ ~

Однажды Тётъ Люда спросила меня, с глазу на глаз, не видел ли я, как её муж заходит в какую-нибудь хату, по ходу наших рыбачьих отлучек.

Мне не пришлось кривить душой и, не солгав ни капли, я ответил, что, нет, ничего подобного мне никогда не приходилось видеть. Ни разу. А я ведь неотлучно сижу за его спиной.

Ну, проезжали как-то раз через Поповку, и он вдруг вспомнил, что на рыбалку-то мы рванули без наживки. Да, ссадил меня в пустом сельском проулке, пока он сам стонет в одно место — тут, недалеко — раз-два накопает и вернётся. Однако в ходе затянувшегося ожидания, я видел только лишь глубокий песок дороги, и непролазные стены крапивы, стоявшей высоко и плотно, по обе стороны песка. Да ещё почернелую солому в крыше сарая, под которым он меня десантировал. Но никаких вхождений, ни в какие хаты... Могу поклясться чем угодно.

Чистосердечно глядя в испытующие глаза напротив, я признался любознательной тётке: — Не, тётъ Люда, сколько ездим, — я не видал, чтоб он куда-то там входил.

Случались и падения. Раза два... Да, точно дважды.

В самый первый, мы гнали по полю вдоль тропы, бежавшей поверх метровой насыпи, а по бокам врехушки бурьяна. Благодаря им, я догадался, что это насыпь — высокие, а «Яве» до полколеса. Только непонятно: зачем в поле насыпь?

Додуматься до ответа мне не удалось, — тропа вдруг прекратилась, вместе с насыпью, и «Ява» вошла в затяжной прыжок по воздуху, пока не ткнулась головой вниз... а мы полетели дальше, через руль и бензобак...

Попутно я ещё и через Дядь Толика перелетел.

В другой раз, мы не успели даже из Нежинской выехать, когда мотоцикл зацепился за кусок железяки, заботливо врытой перед фундаментом чьей-то хаты, чтобы транспорт его частную собственность не царапал. Когда приходится объезжать лужи, порождённые дождём.

Однако оба раза, мы не травмировались, за исключением шишек, потому что у на обеих головах имелись белые пластмассовые шлемы.

Правда, после падения на Нежинской рыбалку пришлось отменить, потому что у «Явы» начало капать масло из амортизатора, и ей в тот день требовался срочный ремонт.

~ ~ ~

Площадь Конотопских Дивизий названа так в честь воинских подразделений Красной Армии, освобождавших город в годы Великой Отечественной войны, она же Вторая Мировая. В виде ответной благодарности, дивизии вписали на свои знамёна «Конотопская».

Мне эта площадь поначалу представлялась концом света, потому что до неё от Вокзала та-дахать аж восемь остановок на трамвае.

Площадь Конотопских Дивизий широка как три дороги вместе. И этому факту она соответствует своей длиной, полого уходя в юго-западном направлении.

Ажурная башня из металла (в правом верхнем углу Площади), в отличие от Парижской знаменитости, приносила практическую пользу, удерживая водонапорный бак довольно крупного размера.

Надпись, размашистой широкой кистью по ржавому боку бака, немо взывала к Площади Конотопских Дивизий: «Оля, я люблю тебя!»

Высокая краснокирпичная стена у подножия башни оберегала — плотными рядами колючей проволоки по гребню — городскую тюрьму от излишне любопытных глаз.

Напротив башни (в левом верхнем углу), с откровенным зазывом зияли ворота Городского Колхозного Рынка.

Собственно говоря, сам Рынок пребывал вне Площади Конотопских Дивизий, за исключением его ворот, служивших также отправной точкой в шеренге площадных магазинчиков, нисходящих плавным спуском — «Мебель», «Одежда», «Обувь»...

Левый нижний угол Площади упирался в двухэтажное здание, что состояло больше из окон, чем из стен — Конотопская Швейная Фабрика. К ней примыкало здание пониже, имевшее, для контраста, стен больше, чем окон — Городской Вытрезвитель.

Впрочем, данное учреждение являлось уже запредельным, стоя на улице, которая, лишив Площадь правого нижнего угла, безбашенно пёрла напрямиком к мосту в опасный окраинный район Загребелье.

Опасность района заключалась в Загребельской блатве, которые, когда заловят хлопца, кто не с их района, но надумал провожать девушку Загребельчанку, то заставляют петухом кричать или измерить длину моста спичкой, или же отмеряют сразу, без преамбул...

Трамвайный путь пересекал Площадь Конотопских Дивизий поперёк и, вместе с тем, наискось, тяготея кверху.

Трамваи, с предупреждающим трезвонком, вбегали на Площадь из-за угла длинной глухой стены, с тремя запертыми дверями выходов из Кинотеатра им. Воронцова, куда вход за другим углом — с улицы Ленина.

Когда в город наезжал передвижной зверинец, свои прицепы с клетками они выстраивали большим квадратом, между трамвайными путями и Швейной Фабрикой. Корраль на колёсах смахивал на оборонительный лагерь Чехов-таборитов, из Гуситских войн в учебнике «История Средних Веков».

Но посреди периметра, в отличие от Чехов, они выстраивали пару дополнительных ряда клеток, спиной к спине, чтобы в воскресный день густая толпа Конотопчан, совместно с жителями близлежащих сёл, ходили вокруг них, а также вдоль клеток в стене табора.

Квадратные таблички на прутьях решётки сообщали имя и возраст узника, а над Площадью Конотопских Дивизий зависал слитный гул толпы зевак, прорезаемый воем и рёвом пленённых животных. Но такое случалось раз в три года...

И Гонщики по Отвесной Стене пару раз посещали Площадь Конотопских Дивизий. Перед воротами Городского Колхозного Рынка ставился высокий брезентовый шатёр, а внутри монтировалось кольцо пятиметровых стен из дощатых щитов.

Дважды в день, под брезент запускали зрителей. Те восходили по внешней крутой лестнице, чтобы свесить лица за верхний край стены из досок и наблюдать оттуда двух мотоциклистов. Чуть покружив по арене для набора скорости, достаточной для въезда по пандусу на кольцевую стену, они, — не сбавляя разгона, — гоняли по ней на мотоциклах в горизонтальной плоскости и, под оглушительный треск моторов, представляли свой вид сбоку для лиц, перевесившихся через борт...

. . . .

Покидая Площадь Конотопских Дивизий по улице Ленина, пешеход миновал фасад Кинотеатра им. Воронцова по левую руку. А впереди уже громадился трёхэтажный куб Дом Быта, со всяческими ателье и ремонтными мастерскими, не говоря уже про парикмахерские.

К забору вдоль тротуара между этой парой архитектурных достопримечательностей, жался спиной стенд-переросток, из металлических труб и листовой стали.

Зазывная надпись «НЕ ПРОХОДИТЕ МИМО!» венчала надёжную конструкцию для повешения чёрно-белых людей, заснятых в интерьере Городского Вытрезвителя.

Каждый портрет, под стеклом индивидуальных рамок массово позорного столба, сопровождала полоска бумаги, машинописно стучавшая про имя и место работы остеклённого.

Жуть брала от этих фотоснимков, где кожа, как бы содрана с людских лиц.

Лично меня эта воспитательная мера воздействия, вместо порицания, переполняла жалостью к повешенным алкашам.

Возможно, из-за того стенда в дальнем далеке, на Объекте, что так меня страшил, ну, а теперь уж как бы и роднил с этими... по крайней мере, с их детьми... чем-то...

В те поры мне ещё нечем было вкапываться в этюды психоаналитического толка, тем более что на данном отрезке улицы Ленина всегда возникала срочность к чему-то присмотреться, оглянуться куда угодно, лишь бы не видеть постыдно мерзкий стенд.

Далее по улице Ленина, за первым же перекрёстком стоял Дом Культуры завода «Красный Металлист», чуть отодвинутый от дороги своей же собственной миниатюрной площадью.

Боковые стороны её тоже ограждались стендами, лицом внутрь. Однако данные конструкции служили более жизнерадостным целям — для наклейки страниц из сатирических журналов: «Крокодил» на Русском по левую сторону мини-площади, Украинский «Перець» — справа.

Между дорогой и каждым из стендов оставалось место для киоска из стекла и железа. При внешней схожести, киоски-близнецы разнились внутренним содержанием.

Присоседившийся под боком «Крокодила» торговал мороженым и лимонадом на разлив, а полки торговой точки рядом с «Перцем» заполнила сувенирная неразбериха.

Там, среди керамических курильщиков, пластмассовых бус, пачек игральные карт, и прочих, лишённых практической ценности товаров, я высмотрел наборы спичечных этикеток. В свой следующий выезд в Город, испросив дополнительные 30 коп., я приобрёл один, с картинками животных.

Однако привезя зверей домой, для пополнения коллекции с Объекта, я понял, что это неправильно. Этикетки, отклеенные со своих коробков, мелкой печатью сообщали адрес выпустившей их спичечной фабрики, а также, что цена спичек с коробком — 1 коп.

Набор из киоска оказался лишь стопкой картинок этикеточного размера. С этого момента я утратил интерес ко всей коллекции и переподарил её моему другу Чепе. Младших я даже и не спрашивал, зная, что им она давно уж пофиг...

. . . .

Чепа жил возле Нежинского магазина со своей матерью, бабушкой и псом по имени Пират, хотя тот жил отдельно, в будке, а не в их крохотном, пропахшем борщом домике, чья кухня и спальенка разместились бы в единственной комнате нашей хаты. Правда, их дом являлся безраздельным владением.

Возле хаты стоял сарайчик, утеплённый извне навозной штукатуркой. В нём, помимо хозяйственных инструментов и кучи угольных «семечек» на зиму, стоял ещё и возок. Продолговатый мелкий ящик из досок, на оси пары железных колёс. Полутораметровая водопроводная труба, с короткой поперечиной на конце, вытарчивает из-под ящика подобных «тачек», чтобы толкать их перед собой или же тащить-катить следом.

От хаты до калитки на улицу, тянулся огород, ограниченный с двух сторон соседскими заборами, которые своей длиной и его тоже делали длинным, не то, что наши две-три горе грядки.

Весной и осенью, я приходил к Чепе помочь со вскопкой. Вонзая в землю штыки своих лопат, мы повторяли модную на Посёлке поговорку: «Никаких пасок! По пирожку и — огороды копать!»

А Пират, отпущенный с цепи, носился ошалелым галопом вокруг старых Вишен вдоль тропки от крохотной хаты до хлипкой калитки.

~ ~ ~

По приезде в Конотоп, моей наипервейшей и постоянной обязанностью стало водоснабжение хаты.

Среднесуточный расход составлял около 50 литров. Два эмалированных ведра с водой стояли на двух табуретах в дальнем закутке тёмной веранды, справа от плиты-корогаза.

Пластмассовый ковш свисал с гвоздя в дощатой стене, над ведрами, — зачерпнуть и напиться или налить воды в кастрюлю, или в чайник. Но прежде чем встать на пьедесталы табуретов, ведра применялись для наполнения бака рукомойника, на кухне, ёмкостью ровно в два ведра.

Узкий параллелепипед бака, по ширине жестяной раковины под ним, покрывала крышка на петлях. Из его дна вытарчивал кран нажимного действия, как в туалете пассажирского вагона — вода течёт куда давишь на штырёк с пружиной.

Ведро, стоящее в подраковинной тумбочке, улавливает стекающие смывки.

За помойным ведром нужен глаз да глаз, ведь оно одно, в него никак не влезут те два ведра, наполнившие рукомойник. Не уследил — заливает пол на кухне. Так что, — поглядывай и вовремя выноси выплеснуть в сливную яму, рядом с уборной в огороде...

Воду я таскал от водоразборной колонки на углу улиц Нежинской и Гоголя, метров за сорок от нашей калитки. Чугунный пенёк ростом в метр, с носом из такого же материала, таил в себе водопроводную трубу.

Повесив своё ведро на нос, налегаешь на железную рукоять, что торчит у пенька на затылке, и резкая струя бьёт в дно подвешенной ёмкости, переполняет её, и бурно растекается по дороге, если опять замечтался хрен знает о чём.

Две ходки в день, итого: 4 ведра, — хватало для водоснабжения хаты. Конечно, если это не день стирки. Однако когда стирала Тётъ Люда, воду ей натаскивал Дядь Толик.

В дождливую погоду водо-ходки малость удлиняли свой маршрут из-за обхода широких луж на дороге...

Зимой колонку окружал небольшой, но очень скользкий каток, которым становилась вода, упущенная водоносами. По гладкому льду правильнее ходить мелкими шажками, не отрывая ног.

Тёмные зимние вечера помогли оценить мудрость, проявленную при размещении фонарного столба в двух метрах от колонки...

~ ~ ~

А заодно уж, на мне был керосин для керогаза.

Этот вид бесшумного примуса похож на газовую плиту, двухконфорочную, а сзади у него две чашки, куда заливается керосин.

Поступая оттуда по двум тонким трубкам, он смачивает асбестовые кольцевидные фитили, в горелках, которых тоже две. В зажжённом виде, когда надо согреть или подогреть обед, или там воду вскипятить для чая или предстоящей стирки, язычки его жёлтого пламени, удлинясь подрагивающей каймой чёрной копоти, вытанцовывают на фитилях свой медленный бесшумный танец. Однако по запаху сразу слышишь, если керогаз включён. Потому-то и держат его на веранде, чтоб хата не провонялась копотью и нефтью.

За керосином я отправлялся на Базар, на пару с пустой канистрой в 20 литров...

В стороне от Базарных прилавков, стоял здоровенный кубический бак из листового железа. День предстоящей продажи объявляла надписью мелом на рыже-ржавом боку куба: «керосин будет...», а дальше проставлялась дата, когда его привезут.

Однако столько разных дат сменили друг друга — написаны, стёрты, написаны снова, — что никакие цифры уже не различались в широком меловом пятне, так что и писать бросили. Надо ж и логику проявлять. Хоть иногда.

Зато навека осталась полная исторического оптимизма надпись — «керосин БУДЕТ...!»

Мелкая траншея со стенками в кирпичной облицовке позволила спустить в неё короткую трубу из нижней грани куба. Труба заканчивалась поворотным краном, чью неподатливость злоумышленным намерениям обеспечивал висячий замок.

В заранее объявленный день, продавщица в синем халате спускалась в траншею, снимала замок и садилась рядом с краном на табуреточку, которую сама же и принесла.

Второй рукой она притаскивала многолитровую кастрюлю-выварку, чтобы, в подsunутом под кран состоянии, наполнить (примерно на три-четверти) желтоватой пенистой струёй керосина.

Очередь приходила в движение, волоча свои бутылки, канистры, бидоны, которые она наполняла литровым черпаком через жестяную воронку, сыпая плату в свой синий карман. Когда черпак начинал погромохивать о дно выварки, она открывала кран — восстановить уровень, удобный для торговли энергоносителем.

Вообще-то, дату мелом ни писать, ни читать не требовалось, потому что Баба Катя каждое утро ходила на Базар, и двумя днями раньше приносила весть о том, когда реально «керосин будет...!».

И в керосинный день, после уроков в школе, мы с канистрой отправлялись на пару часов стать частью очереди, заползающей в траншею под железным кубом, чтоб выходить оттуда раздробленно — по одиночке, под грузом возжеленной жидкости с характерным запахом...

Иногда его продавали и в проездом дворе Нежинского Магазина, из ямы обустроенной таким же в точности макар. Однако такое случалось нечасто, а и очередь там длилась не меньше Базарной.

~ ~ ~

Через неделю после летних каникул, меня избрали Председателем Совета Отряда пионеров нашего 7 Б класса, потому что бывшая Председатель (рыжая тощая Емец) уехала в другой город со своими родителями.

На общем пионерском собрании класса, пара предложенных кандидатов отмазалась самоотводом без объяснения причин. Тогда присутствующий и задающий тон мероприятию Старший Пионервожатый школы выдвинул мою кандидатуру. В попытке следовать общим кильватером, я тоже начал нехотя отнекиваться, но он прервал моё вялое «а чё я? других штоль нет?» энергичным разъяснением, что всё это ненадолго — и так и так нас скоро примут в комсомол, он же Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодёжи (ВЛКСМ).

(... структура пионерской организации детворы Советского Союза является образцом продуманной и чёткой организации любой организации.

В каждой Советской школе ученики каждого класса, по достижении надлежащего возраста, автоматически становились пионерами, а их класс превращался в Отряд Юных Пионе-

ров (Ленинцев) из четырёх-пяти Звеньев. Звеньевые, совместно с Председателем Отряда, входили в Совет Отряда.

Председатели Советов Отрядов, вкуче, становились Советом Пионерской Дружины школы. Затем шли Районные, или же Городские уровни пионерских организаций, сливавшиеся в Республиканские (всех 15), из которых и складывалась Всесоюзная Пионерская Организация.

Такая вот кристально-отструктурированная пирамида для удобства пользования... И потому герои комсомольского подполья, боровшиеся с Немецкой оккупацией города Краснодон, не стали париться с изобретением колеса. Они скопировали знакомую с детства структуру и всего только переименовали «звенья» в «ячейки»...

Если мы, конечно, поверим на слово «Молодой Гвардии», роману А. Фадеева, который он, в свою очередь доверчиво, писал со слов родственников Олега Кошевого, за что и сделал свой литературный персонаж руководителем подполья. В созданном им литературном произведении, Олег Кошевой становится предводителем, а Виктор Третьякевич, который фактически принимал Олега в ряды сопротивления, представлен, как подлый предатель, под вымышленным именем Стахевич.

Четырнадцать лет спустя после выхода романа в свет, Третьякевича реабилитировали и наградили орденом, посмертно, поскольку умер он не на допросах Советского НКВД, а был казнён Фашистскими захватчиками, когда те разгромили краснодонское подполье.

В начале шестидесятых, пара эпизодических предателей из книги, которым автор поленился переделывать имена, отбыли по десять-пятнадцать лет в лагерях НКВД, и были также реабилитированы.

К тому времени, сам писатель уже успел пустить себе пулю в лоб, в мае 1956, вскоре после встречи Никиты Хрущёва, тогдашнего главы СССР, с уцелевшими молодогвардейцами Краснодона.

Во время упомянутой встречи, Фадеев вёл себя неадекватно и нервно орал на Хрущева перед лицом собравшихся, обзывал его словами особо обидными и опасными, на тот период в истории Советской власти, а два дня спустя покончил жизнь самоубийством. Или же, что также возможно, его покончили с собой, хотя, конечно, такое выражение, как «они грохнули его его самоубийством» —неприемлемо с точки зрения языковых норм.

Отсюда мораль — даже самая продуманная структура не застрахует от развала пирамиды, если та не сложена из каменных блоков весом, как минимум, 16 тонн каждый...)

В конце сентября, Председатель Совета Дружины нашей школы заболела, и я был делегирован вместо неё на Отчётное Собрание Председателей Пионерских Дружин Городской Пионерской Организации.

Собрание проводилось в Конотопском Доме Пионеров, расположенном в приятно уединённом местечке позади Памятника Павшим Героям, над улицей Ленина.

Согласно регламенту, для Отчётного Собрания такого уровня положено иметь Председателя и Секретаря Собрания. Председатель обязан вести его, а роль Секретаря — протоколировать: сколько макулатуры и металлолома собрано за отчётный период пионерами дружины выступающего с докладом Председателя, какие заняли они места, в каких общегородских соревнованиях, и какие провели культурно-массовые мероприятия у себя в школе.

Старший Пионервожатый нашей школы снабдил меня листком бумаги для зачитания на Отчётном Собрании, но в Доме Пионеров на меня взвалили дополнительную нагрузку, назначив Председателем Отчётного Собрания.

Всего и делов-то — встаёшь, объявляешь: «Слово для отчёта предоставляется Председателю Пионерской Дружины школы №...», а дальше Председатель от № выходит к трибуне на сцене и зачитывает свой листок, от своего Старшего Пионервожатого, а как кончит, сдаёт его

Секретарю Собрания, потому что никакой логики не хватит записывать по новой уже написанные цифры, пральна?

Сначала всё шло как по маслу. Я и Секретарь Отчётного Собрания, девочка в парадной белой рубашке и алом пионерском галстуке, как и на всех присутствующих, сидели за небольшим столом покрытым красным кумачом, на небольшой сцене небольшого зала, где сидела небольшая группа Председателей Советов Дружин в очереди на читку своих листков. Вслух.

В последнем ряду, за спинами небольшой группы очередников, Второй Секретарь Горкома Комсомола, ответственная за работу с пионерскими организациями, в таком же алом, как на всех, галстуке, уютненько сидела одна на весь последний ряд.

Председатели, как по маслу, выходили, докладывали, складывали бумажки в стопку, на кумачовой скатерти небольшого стола, и, с чувством исполненного долга, спускались в зал.

Я тоже исполнял, что сказано, но после четвёртого объявления, что-то на меня нашло, точнее нахлынуло.

Во рту — потоп. Слюнный. Едва сглотну, — и железы мгновенно фонтанируют следующим приливом секрета, переполняя меня стыдом перед сидящей рядом Секретарём. Наверняка не знает, что и думать на мои безостановочные сглоты. А что если и в зал слышно? Такой, блин, маленький своим уютом.

Чуть полегчало, когда она пошла отчитываться за школу № 10, но как вернулась, вновь ринул паводок постыдной мУки. Да что это со мной?!

Вот и моя очередь... Отбулькав отчёт с листочка, всего за четыре шага от трибуны до стула за небольшим столом, я сглотнул три раза. Не помогло.

Ладно, осталось только № 14 отсидеть... О, бли-и-ин! Вторая Секретарь Горкома тоже, со своей заключительной речью!

(... в те безвозвратно канувшие времена — ни дотянуться, ни дозваться, ни искупить — я не ведал ещё, что источник моих горестей, радостей, как и... и всяческого остального, — в той недостижимой сволочи, в непостижимо далёком будущем, которая нагло укуталась в мой спальный мешок и растянулась сейчас в одноместной палатке, на моей истомлённой дневным переходом спине, и слагает вот это письмо, посреди тёмного леса на краю света, под неУмолчный плеск реки, что зовётся нынче Варандой...)

. . . .

В октябре семиклассники начали готовиться к вступлению в ряды ВЛКСМ, он же комсомол.

Членство в комсомоле не давалось просто так, за красивые глазки. Туда не вступали огульными пачками, ничего подобного! Нужно сперва доказать, что ты действительно достоин, для чего и служил экзамен в Городском Комитете Комсомола на втором этаже здания Горсовета, в правом его крыле.

Вот где пройдёт проверка твоей пригодности, потому что, вступая в эту молодёжную организацию, ты становишься соратником Партии, будущим коммунистом.

В ходе подготовки, Старший Пионервожатый школы № 13, Володя Гуревич — молодой человек приятной наружности, с чёрными волосами и сизой кожей на щеках (из-за густой, но всегда гладко выбритой щетины) — распространил среди будущих членов ВЛКСМ типографские распечатки Устава ВЛКСМ. Очень мелкий шрифт позволял разместить все Уставные разделы с двух сторон одного листа, сложенного книжечкой.

Он предупредил также, что на заседании по приёму новых членов, экзаменаторы Городского Комитета Комсомола особенно гоняют по правам и обязанностям комсомольца...

Володя Гуревич закончил престижную школу № 11, между Вокзалом и Переездом-Путепроводом, а также Конотопскую Музыкальную Школу по классу баяна. На работу ему приходилось ездить из Города, где он проживал чуть ниже Площади Мира, в небольшом квартале пятиэтажек, который в Конотопе почему-то окрестили Палестиной.

Добравшись из Палестины, в школе он рядился в смешанную атрибутику из очень чистого и хорошо наглаженного пионерского галстука и золотистого профиля лысой головы с колким клинышком бородки Владимира Ильича Ленина, в комсомольском значке, приколотом на грудь его пиджака.

Среди своих (в узком кругу пионерских активистов), Володя Гуревич часто объявлял, чтобы подчеркнуть полное совпадение имени-отчества у себя и у Вождя Революции: «Зовите меня просто — Ильич».

Вслед за этими словами он смеялся громким затяжным смехом, после которого его выпукло очерченные губы не сразу стягивались в нейтральное положение, и ему приходилось помогать им, снимая большим и указательным пальцами распорки из коротких ниточек слюны в уголках рта.

Однако Володя Шерудило, крепко скроенный чемпион игры в Биток на деньги, с рыжими вихрами и густой россыпью веснушек на круглом лице, который учился в нашем классе, а жил в селе Подлипное, в узком кругу своих (одноклассников), называл Володю («Ильича») Гуревича «ханорик Созовский!»

(...на начальном этапе упрочения Советского режима, до закабаления сельского населения в колхозах, коммунистическое руководство экспериментировало с загоном крестьянства в товарищества Совместной Обработки Земли, сокращённо СОЗ.

Однако значение «ханорика» не сыскать даже в «Толковом Словаре Живого Великорусского Словаря» Владимира Даля, вероятно потому, что великий лингвист не посещал село Подлипное.

Кто вспоминает нынче СОЗы? А вот коллективная память сельчан бережно хранит и передаёт от поколения к поколению.

“Хоть смысл забыт, но чувство неизменно...”...)

Большое двухэтажное здание Горсовета, где размещался заодно и Горком Комсомола, чем-то смахивало на Смольный Институт из разных фильмов про Октябрьскую революцию. Особенно хорошо эта роль удавалась фасаду, взиравшему на Площадь Мира по ту сторону Проспекта Мира.

Три короткие, мощёные гладкой брусчаткой аллеи под неухожено-великолепными Каштанами, позволяли двойнику Смольного высылать группы захвата Почты, Вокзала, Банка... Запоздалое, увы, удобство — всё уже давно в руках Советов и остаётся только тупо пялиться на сухой обод холощёного фонтана...

Все ребята нашей школы без сучка и задоринки сдали экзамен по Уставу ВЛКСМ. Из остальных школ города тоже никто не отсеялся...

~ ~ ~

Под конец года на Посёлок явилась трамвайная цивилизация. Рельсовый путь восстал из глубин Путепровода, прошёл в параллельной близости от ограды Базара и нырнул под своды великанов Тополей, в их могучей шеренге вдоль булыг мостовой улицы Богдана Хмельницкого. Гладко зализанные столбы серого бетона затесались в строй гигантских стволов, чтобы держать контактный провод над рельсами.

В канун Октябрьских праздников колея успела миновать нашу школу и даже завернула в улицу Первомайскую, что продолжалась аж до окраины Посёлка, где уже начинается поле.

Потом тройка маленьких трамвайных вагонов начали ходить по Третьему маршруту: от конечной на городской стороне Путепровода до конечной в конце Первомайской.

Протискиваясь в гуще пассажиров, дебелие кондукторши обилечивали массы, по 3 коп. за клочок бумажной ленты, оторванный с рулончика на шлее пузатенькой казённой сумки, подвешенной на шею для подтяжки дебело обширных бюстов. И чтобы было куда ссыпать копейки, собранные с пассажиров за проезд, 2 в 1.

В больших трамваях на городских маршрутах — Первом и Втором — у водителя всего одна кабинка, в голове вагона, а на конечной трамвай описывал замкнутый круг по кольцу разворота, и отправлялся в обратный путь.

Зато конечные Посёлка оправдывали своё имя, и разворотами не петляли, а если уж доехал, значит — всё, конец.

Поэтому у маленьких трамваев две кабинки, как пара голов Тяни-Толкая, и на неокольцованных конечных вагоновожатая просто переходила из передней кабинки в заднюю (хотя, кто там разберёт, где у них зад, а где перед), то есть отправлялась в тот перед, который перед этим тащилась сзади.

Кондукторша, стоя на ступеньке задней (на данный момент) двери, помогала коллеге дать старт вагону — тянула крепкую брезентовую вожжу, привязанную к дуге над крышей, для перевода её в режим гладкого скольжения по контактному проводу, при котором той полагается смотреть в направлении кормы, а не переть рогом в провод, тормозя движение.

И уже с правильно позиционированной дугой, вагон пускался в обратный путь.

Устройство дверей тоже не совпадало. В больших трамваях их закрывал водитель: дёрнет что-то там у себя в кабине, и дверь захлопывается с автоматическим шипением.

Совсем другой коленкор в Поселковых вагончиках. Дверь тут типа складной ширмы на шарнирах, фанерная. Приехал на свою остановку, подходишь к двери и тянешь на себя среднюю ручку, чтоб ширма малость сложилась и дала толкнуть себя в сторону, открывая ступеньку для спуска.

Процедура закрывания, практически, та же: потянул-толкнул. Просто начинать надо с крайней ручки. Их же всего две на ширме: крайняя и средняя.

Ну да, конечно прикалываюсь. Кому оно надо, всё это алгоритмичное мозгодёрство?

Поэтому трамваи по Посёлку КПВРЗ катались с дверями нараспашку, пока мороз не придавит по чёрному...

А чтобы трамваи могли уступать друг другу путь, две остановки на Посёлке имели раздвоенную колею, метров по десять: одна возле школы № 13, а вторая посередине Первомайской...

~ ~ ~ служитель Мельпомены

Туалет в Клубе Завода находился на первом этаже, в самом конце очень длинного коридора, что начинался от двери библиотеки и тянулся между стен не только глухих, но и тесных. Раскинув руки, дотянешься сразу до обеих. Не коридор, а штольня, с плафонами лампочек на потолке.

В тёмно-зелёной краске стен иногда попадались двери с табличками: «Детский сектор», «Эстрадный оркестр», «Костюмерная» и, уже на подходе к туалету, «Спортзал».

Сливаясь тёмно-серым окрасом со стенами штольни, двери становились частью их, вкраплениями, хранящими такую же глубоко глухую тишь. И только лишь сквозь дверь спортзала порою слышалось целлулоидное цоканье пинг-понгового шарика или побрякивание блинов штанги, но она тоже оставалась неподкупно запертой...

Но вот однажды за дверью Детского сектора раздались звуки музыки. Грусть одиночества в безнадежном заточении слышалась в жалобе клавиш пианино «Красный октябрь», что и заставило меня постучать. На крик изнутри «входи!», я потянул её на себя и сделал шаг.

Небольшая смуглая женщина в стрижке чёрных волос, с широким, но правильным разрезом ноздрей, сидела за пианино под правой стеной из сплошных зеркальных квадратов.

А прямоком навстречу мне струился свет сквозь готику трёх окон, вознесённых над полом, своим сиянием маскируя ребристость трубы отопления, тянувшейся под балетным поручнем вдоль всей стены.

Левая часть комнаты таилась позади высокой ширмы кукольного театра, пред ней же — необыкновенно длинный и узкий, словно в трапезной, лоснился стол тугим линолеумом в своей столешнице.

И тогда я сказал, что хочу записаться в Детский сектор.

— Очень хорошо, давай знакомиться. Я — Раиса Григорьевна, а ты кто и откуда?

Она рассказала мне, что бывшие актёры чересчур уже повыврастали или уехали в другие города, и для возрождения Детского сектора мне надо привести своих друзей из школы.

Я развернул бурную агитацию в классе. Чепи и Куба как-то сомневались, да на шо оно нада! Однако призадумались и согласились, когда я объяснил, что длинный стол вполне пригоден для настольного тенниса, ну и что, что узкий?

И пара девочек тоже пришли, из любопытства. Раиса Григорьевна устроила всем восторженный приём, и мы начали репетировать кукольно-театральную постановку «Колобок» по одноимённой сказке.

Наша наставница обучила нас искусству кукловодов перчаточных кукол, чтобы те не занывирали ниже ширмы, теряясь тем самым из поля зрительского зрения.

Мы собирались в Детском секторе дважды в неделю, но иногда Раиса пропускала репетиции или опаздывала, и для подобных случаев ключ не покидал подоконника в комнате художников, творивших, день за днём, месячный список фильмов для вестибюля.

Они любили свободу, и вообще никогда не запирались, их дверь стояла настежь, постоянно, для посещений стабильными поклонниками их таланта... Залётным любителям искусств там тоже всегда были рады...

Ключ охотно проворачивался в дверном замке Детского сектора, и мы часами играли в теннис на длинном столе.

Правда, мячик у нас был от большого тенниса. Игра шла без ракеток даже, их подменяли школьные учебники. Лишь бы не слишком толстый, но с твёрдой обложкой.

Из книжек сооружалась также сетка — корешком кверху и чуть раздвинуть, для устойчивости. Да, особо резкие «туши» их сшибали, но и чинилась такая сетка секунданльно.

... .

Нелёгко, изнурителен труд кукловода, как умственно (надо переписать реплики твоего героя и выучить их наизусть), так и физически (держи, держи, ещё держи — вскинутую руку с обувью на три пальца куклой).

Во время репетиций актёрствующая рука немеет, подпорка из оставшейся не меняет дела. А сверх того — эта пакостная ломота в шее, из-за постоянной запрокинутости головы, следящей, как ведёт себя кукла-лицедейка...

Зато потом, после представления, ты возникаешь из-за ширмы, чтобы встать перед ней. Плеч-о-плеч с тобою, в зал смотрит кукла на сунутых в неё трёх пальцах, и Раиса объявляет, что роль Зайца исполнял ты.

И ты киваешь с театральным шиком, а Заяц возле твоего плеча кланяется тоже, сам по себе, вызывая смех восторга и плеск аплодисментов...

О, тернии! О, сладость славы!

. . . .

Впоследствии, многие из кукловодов отсеялись, но становой костяк Детского сектора — Чепы, Куба, и я — стойко продолжали приходить.

Раиса начала пользоваться нами для кратких инсценировок про героических пацанов и взрослых времён Октябрьской революции или Гражданской войны.

Для представлений мы гримировались, наклеивали настоящие театральные усы, одевали гимнастёрки и пускали махорочный дым из самокруток. Технологию верчения газеты в «козью ножку» нам показала Раиса, но мы не затягивались, чтобы не кашлять.

С инсценировками из легендарных дней ходили мы по цехам Завода, которые покрупнее и где имелся Красный Уголок для цеховых собраний.

Там, в обеденный перерыв, на подмостках крохотных сцен, наши бесстрашные герои агитировали за власть Советов и свободу от эксплуатации. Освобождённые рабочие в спецовках жевали свою сухомятку из газетных «тормозков». Момент с верчением самокруток брал их за живое, жевание сменялось гыканьем...

~ ~ ~

Дважды в год Клуб закатывал грандиозный концерт художественной самодеятельности, на котором Директор Клуба, Павел Митрофанович, с глубоким чувством читал стихи, посвящённые Партии. Ему на смену, лучшие из учеников Анатолия Кузько, учителя игры на баяне при Клубе КПВРЗ, отыгрывали освоенные ими менуэты.

Однако украшением программы являлись, бесспорно и безоговорочно, танцевальные номера Балетной Студии, потому что их балетмейстер, Нина Александровна, пользовалась заслуженной репутацией, и к ней съезжались малолетние балетницы даже из городских районов за Переездом.

К тому же, Клуб располагал богатым гардеробом, так что Молдаванский танец Жок студийцы выплясывали в штанах с позументами, посвёркивая ухарскими блёстками жилеток, а для Украинского Гопака выходили в шароварах шириною с Чёрное море, что набегало волной необъятного прибоа на их балетные сапоги красной кожи.

Акомпанировала им всем, включая пигалиц в снежинковых белых пачках, Аида, аккордеонистка-виртуоз, пряча за боковой кулисой сцены изящную горбинку своего династического носа.

А рядом с ней стояли и мы, в армейских гимнастёрках из костюмерной, в усах и щедрых морщинах, нарисованных гримом, в полном восхищении, как классно она шпилит с таким-то носом. Причём без всяких нот.

Красивый мужественной красотой, электрик Мурашковский читал рифмованные гуморески и пел дуэтом с лысым токарем из Механического цеха «Два ко́льори мої, два ко́льорі» на Украинском языке.

На правой кисти Мурашковского не доставало трёх пальцев, и этот прогал — (между большим и мизинцем) — он заполнял кружевным платочком: типа клешня краба нашла чем поживиться с очередного галеона, который Билли Бонс пустил на дно.

Пара пожилых женщин исполняла романсы, но не дуэтом, а по очереди. С каждой в отдельности, на сцену выходил Анатолий Кузько со своим баяном.

Его левый глаз даже и не косил, а неотрывно смотрел в потолок. Вот он с тобой разговаривает, а сам не здесь, а где-то. Это напрягает. Хотя начинающих баянистов, его учеников, не слишком-то, наверное, отвлекало, им ведь ещё и в ноты надо пялиться, и про себя считать «и-раз-два-три-раз-два-три...».

Для завершающего гвоздя и пика программы, упитанный блондин Аксёнов, Руководитель Эстрадного Оркестра, вёл сквозь полумрак зрительного зала свою джаз-банду к ярко освещённой сцене.

У всех инструменталистов приятный подогрето-предстартовый подъём — дай только дорваться до синкоп!

Барабаны с контрабасом тоже вожаденно изнывали за кулисами, куда их отволокли ещё до концерта, в маленькую гримёрную позади сцены. Однако свой саксофон Аксёнов приносил собственноручно.

Популярная блондинка Жанна Парасюк — тоже, между прочим, выпускница нашей школы — исполняла пару текущих шлягеров в сопровождении Эстрадного Оркестра, и концерт заканчивался общей овацией и бурными криками «Бис!»

Зал на гранд-концертах неизменно — битком. Не меньше, чем на какую-нибудь Индийскую «Зиту и Гиту» из двух серий. Сцена тонула в свете софитов с пола, на самом её краю, а также в изливавшемся с подвешенных над нею. Да ещё лучи из марсианских боевых треног вносили свою прожекторно безжалостную лепту, высясь над лепниной в балконных стенках.

В потёмках прохода вдоль стены под правым балконом, танцоры Балетной студии рысили в Костюмерную Тёти Тани, на первом этаже, переодеться к следующим номерам. Оттуда — обратно уже в переодетом образе.

Для представления героических инсценировок, Раиса научила нас правильно появляться из-за кулис, и уходить за них же, не поворачиваясь спиной к зрителям. Ещё она открыла секрет смотрения в зал — не на кого-нибудь конкретно, а так, в общем, на пятый или примерно шестой ряд. Хотя в жёстком излучении направленного в лицо прожектора даже и первые ряды сливались...

Так Клуб стал частью моей жизни, и если я долго не заявлялся домой после школы, там не переживали — торчу, как всегда, в Клубе...

~ ~ ~

В густой тьме зимних вечеров тройка морозоустойчивых мушкетеров сходилась на трамвайной остановке — для ставшей модной в роте де Тревиля забавы, *c'est pour* катания на «колбасе» вагона.

Технически, под этой вкусной кличкой проходила решётка из труб, подвешенная под кабинкой водителя. Совершив обходной манёвр, мы заходили в тыл прибывшему трамваю, а при его отправлении вскакивали на «колбасу», ухватываясь за маленький выступ под окном в пустой кабине водителя.

Своей гладкостью выступ не уступал стеклу угрюмо взирающей на нас кабинной пустоты, и не оставлял шанса стабильной уцепки, приходилось часто перехватываться и напрягать пальцы на переохлаждённой обтекаемости.

Трамвай несётся, грохоча и дрыгаясь на стыках рельс, под ногами вибрирует «колбаса» в упругих подскоках — ух-ты! клааасс!

Самый скоростной участок — между Базаром и нашей школой. Именно там трамваям заходило в голову, будто они — гонщицкая Формула 1: та-дах! та-дах! И там же мои заоче-

нелые пальцы однажды начали сползать со скользкого выступа, но Чепка крикнул «держи!» и притиснул их сверху своей ладонью. И тут Куба проорал «капец!», потому что его пальцы сорвались, и ему пришлось прыгать с «колбасы», несущейся с первой космической.

Хорошо, что он не всаился ни в один из летящих мимо Тополей, и выбежал навстречу нам из темноты, когда от остановки мы с Чепкой рванули обратно — соскребать кубинско-мушкетёрские останки с широкого древесного ствола или бетона в опорном столбе.

К счастью, трамвай не успел уехать, дожидаясь встречного с Посёлка. Мы без потерь его догнали, и продолжили в полном составе...

Этот захватывающий аттракцион не являлся частной забавой нашей ограниченно ответственной троицы, но неотчуждаемым достоянием поселковых хлопцев. Порою «колбаса», под общим весом висячей шоблы гонщиков, скребла решёткой по головкам рельс в знак протеста.

На остановочных «разминках» кондукторши спускались из вагона поразгонять шобляк.

Мы растворялись в темноте морозной ночи, трамвай трогался, и, прежде чем средство общественного транспорта успевало набрать крейсерскую скорость, «колбаса» вновь провисала под ногами пассажиров не оплативших свой проезд...

~ ~ ~

В тот день наш 7 Б после второго урока отправился на экскурсию в Завод КПВРЗ.

Первым делом нас там завели в Пожарную Команду, которая в двух шагах от Главной Проходной. Полюбовались парой «пожарок», томящихся взаперти, узниками тесного бокса без окон без дверей, однако с воротами, что тоже заперты навеки. Пожарники, со скуки, вывели в расход целый огнетушитель, демонстрируя, как далеко вылетает его пена.

Оттуда посетили цех, где заправляют кислородом высокие баллоны из железа, которые потом развозят по цехам для газосварщиков с резчиками.

В Кузнечном, ни давать, ни слушать объяснения не получилось, там постоянный гул от вентиляторов, и рёв огня в печах из кирпича. Рабочие в чёрных спецовках громадными клещами тащат раскалённые болванки из печей, чтоб небольшим подъёмным краном переложить на наковальню под какой-нибудь из гидравлических молотов.

Наш класс оглушённо постоял. Посмотрели, как один рабочий, тоже клещами, но покороче, ворочает по наковальне разжаренную добела болванку, туда-сюда. Машина у него над головой пытит, как динозавр, гоняет молот между высоких промасленных станин, — шарахает, выковывает нужную форму колёсного обода для большегрузного «Белаза».

Молот как ахнет, аж дрожь волнами по полу разбегается. Окалина от заготовки, словно чешуя, отслаивается, а под ней цвет всё темнее — вот уже алый, потом тёмно-вишнёвый.

Но удивительней всего — молотова чуткость. Он может постукивать совсем чуть-чуть, или встать как вкопанный на полпути, хоть и летел уже жакнуть наотмашь.

Причём управляет им женщина в платочке, всего-навсего парой рычагов, которые торчат у этой одороблины из бока.

Когда мы тянулись уже на выход, то рядом с другим, примолкше-покинутым гидравло-молотом, я увидел россыпь металлических кружочков, размер примерно с юбилейный рубль, но толще раза в три.

Цвет мне понравился, такой красиво фиолетовый. А и к тому же, как раз бы чёткий биток получился, копейки переворачивать.

Вот я и приотстал от экскурсии, наверняка ж кружки — ненужные отходы, раз на полу валяются. В общем, я — хватать один, и тут же выронил! Он пальцы мне, падла, чуть не до кости прожёт.

А тут какой-то рабочий мимо идёт, смеётся: «Шо, сильно тяжёлая?»

А в Механическом цеху я прям прибалдел от строгального станка.

Совсем такой малорослый, неспешно обстругивает зажатую в тисках заготовку. Самое удивительное в нём — это накладка типа этикетки, отлитая из чугуна. Сообщает, что станок «Сделано в Ригь 1904 годъ».

Так это ж ещё до революции! Ни хрена себе! До сих пор пашет!

А чуть дальше большой Советский станок, тоже строгальный. Резец раздольными прогонами туда-сюда бегают, а рабочий в сторонке стул поставил, руки на груди скрестивши — сидит, наблюдает.

А чё, — нехилая так себе работка...

... .

На мой рассказ дома о впечатлениях от экскурсии, мать сказала, что я бы мог ходить в душ какого-нибудь из цехов Завода, а не ездить в баню аж до Площади Конотопских Дивизий.

Она ещё спросила, известно ли мне, что мать Вадика Кубарева работает на Заводской Градирне, что может облегчить доступ в душ остужающей башни.

По ходу обсуждения её идеи с Чепой, он мне ответил, что всю жизнь по банным дням ходит в Завод мыться. Там есть, между прочим, души и покруче, чем на Градирне.

В основном, все они открыты до восьми, но в тех цехах, что работают в три смены, вообще не закрываются.

Конечно, на Главной Проходной могут и не пропустить, но кому надо переться через проходную? Вон в конце завода, откуда вагоны на ремонт загоняют, даже и ворот нету. А на Професийной, на каждом шагу, — устроены перелазы в бетонной стене, для сподручного выноса работягами их «шабашки» после рабочего дня.

(...и вновь я вынужден прервать последовательную связь времён, и скакнуть из Конотопа на речку Варанда, а иначе — как столичной женщине из третьего тысячелетия понять провинциальный говор середины прошлого века?)

Порой даже Словарь Даля не помогает. Да, в нём правильно отмечено, что слово «шабаш» может служить сигналом окончания работы. Однако глубже этого В. Даль не пошёл. Великому Русскому языку пришлось прожить ещё сто лет, и притереться к условиям жизни при развитом социализме в отдельно взятой стране, чтобы произвести «шабашку» из «шабаша».

«Шабашка» — это какое-либо изделие, произведённое на рабочем месте для дальнейшего использования его по месту жительства или, по крайней мере, вязанка древесины, наломанная из досок на работе, для обогрева хаты рабочего. Швырок «шабашки» через забор — это, своего рода, точка, поставленная в завершение рабочего дня.

(Вот почему на Посёлке прогулка вдоль стены Завода издавна считается плохой приметой, особенно во второй половине дня.)

Ну, как? Заценила мои этимологические потуги? Хорошо.

И, пока я тут, пора уже, наверное, заползть в эту мою одноместную Китайскую пагоду. Что мне в ней нравится, так это её раскладные хлысты. Складно вымудрили Поднебесники — дюжина полуметровых трубочек перераскладываются в пару гибких хлыстов, по три метра каждый. И вот уже тебе остов, чтоб натянуть палатку. А эта антикомариная сеточка на входе тоже очень хорошо работает, — молнию вжикнул и ни один комар не залетит. Снаружи вон гундосят кровососы, но фиг вам, а не в мой вигвам!

Теперь сниму рубаху и штаны, залезу в спальник «Маде ин Германия», угреюсь и — кум королю. Хорошо, когда такая древняя цивилизация Востока объединяется с такой технократической державой Запада, чтоб ты с комфортом проводил свой отдых.

Хотя, если внимательно вдуматься, они всего лишь исполнители идей, накопленных всем родом людским, сообща. Любая прибабаса, даже самая продвинутая, даже от самой развитой державы — это общее достояние, в которое индейцы Амазонии тоже вносят лепту, одним лишь фактом своего существования. Но им, как и мне, конечно, приходится платить за эту общую собственность всего человечества...

А взять, хотя бы, тот же zipper на входе — знаешь, кто его изобрёл? Вот то-то же... и я не знаю. Только вряд ли какой-то правитель из династии Цинь, и уж точно не кайзер Вильгельм, даже если бороду сбреет...)

~ ~ ~

Сцена — весьма сложный механизм. Кроме системы блоков манипулирующих эволюциями занавеса; не считая электрошита со множеством предохранителей, розеток, рубильников и кнопок, меняющих интенсивность и направленность световых потоков, замечаешь вдруг — там, высоко над уровнем её пола, хитросплетённую паутину металлоконструкций для подвески задника, софитов, декораций, и боковых кулис.

Во время концертов, мы не только стояли под боком прекрасной виртуозной Аиды, непревзойдённо вихляющей перламутровым блеском мехов её аккордеона, не только трепались с Молдавско-Украинскими павлинами из инкубатора на птицефабрике «Балетная Студия», негромко кудахтающими в ожидании, пока объявят их номер — нет! Далеко не только!

Мы неустанно исследовали таинственный мир закулисья. Любопытность привела к открытию вертикальной металлической лесенки, вмонтированной в правую сценическую стену, чьи перекладины кончались по достижении короткого балкончика, на высоте четырёх метров.

Приглядевшись, и подкрутив приклеенные усы, мы обнаруживали возможность восхождения на швеллеры под крышей, чтобы по ним перебраться на противоположный край, где над сценой тоже имеется балкончик, однако без малейшей лестницы для спуска.

Ну, так заворачивай оглобли и тарзань по швеллерам обратно, недалёковидный Чунг!..

Но — чу! Что может находиться там, за той дощатой перегородкой, что протянулась высоко над сценой от стены до стены? Ага! Так это ж наверняка чердак над залом!

— Где ты лазишь весь в пылюке? Раиса тут орёт уже по полной, пошла тебя в Детсекторе искать. Щас, после снежинок, нас объявят!

. . . .

Так зародился и вызрел план бесплатного доступа к просмотру фильмов — с чердака на мостик, по лесенке на сцену, дожидаться пока погаснет свет в зале, занырнул под экран, вынырнул на свободное место, сиди и смотри кино.

На первом этаже Клуба, рядом с комнатой художников, пожизненно распахнутая дверь выходила в закоулочную часть территории Завода, а рядом с ней начиналась добротная лестница, с железными ступенями и перилами, вплотную вдоль стены.

Прогулочным шагом возносишься на крышу, а там есть лаз вполне удобного окна, слухового, на чердак.

Всего-то и проблем — пробуриться через дощатую перегородку, что разделяет сцену и чердак...

Куба почему-то не подписался идти на дело. Оставил блестящую идею нам с Чепой на двоих...

Вскоре, тёмным зимним вечером с порывистым ветром, которому не хватило снега, чтобы превратиться в буран, вооружившись топором из Чепино сараюшки, мы проникли на территорию Завода, пользуясь ближайшим перелазом.

Не мешкая и беспрепятственно, мы приблизились к тыльной части здания Клуба, поднялись на чердак и — огляделись...

Посреди обширного пространства, различился непонятный объект дискообразной формы, ориентировочно, метров до трёх в диаметре. Приблизительная высота составляла около метра над уровнем пола, вернее, над обычной для чердаков засыпкой.

Непосредственное исследование показало, что объект снабжён крышкой, также металлической. Типа случайно оставили на чердаке кастрюльку, а потом взяли и увеличили её зачем-то до 999.88%.

Частично сдвинув крышку, чтобы заглянуть под неё, мы убедились, что диск внутри — полый, а его круглое днище заметно глубже уровня нашего стояния снаружи.

Частые узкие прорезы центробежно исходили от середины окружности (с отступов в 20 см от её центра) к стенкам неопознанной «кастрюли» (не доходя на те же 20 см).

Местоположение объекта относительно остального чердака, а также смутное припоминание чем-то знакомых очертаний прорезей в его дне подвели к выводу, что именно из диска свисает в зал громадная люстра с висюльками стекла молочного цвета.

Догадку тут же подтвердили длинные автоматные очереди из ППШ, заполняя диск, вперемишку с разрывами гранат, — сквозь прорезы в днище. Кино про войну подельничало, побратски, в наших не совсем законных намерениях.

Нервно скачущий по утепляющей шлакозасыпке, круг света от карманного фонарика уточнял курс крадущихся шагов наших ног.

Вскоре он упёрся в широкие доски, вертикально перегородившие весь чердак. Дедуктивно определив наиболее вероятное местоположение балкончика, — (по ту сторону толстых досок) — мы принялись расщеплять и рубить их, с целью производства, посредством топора, дыры достаточной для поочерёдного вхождения.

Древесина оказалась довольно твёрдых пород, к тому же работу замедляли затишья между боями в подчердачном пространстве.

И только прорубив одну из досок насквозь, мы осознали наличие дополнительной проблемы — преграда оказалась, фактически, двойной перегородкой (2 в 1)!

Будучи дощатой с обеих внешних сторон, она заключала в себе прослойку из листового железа.

Сэндвичная технология, которая в будущем приведёт к расцвету компании McDonald's...

Рубить сталь топором — неправильно, что и стало причиной, не позволившей нам заиметь персональную лазейку в волшебный мир киноискусства.

Строители древности знали секрет сооружения сейфообразных чердаков...

... .

Как оказалось, и довольно скоро, весь план с дырой в перегородке был вовсе ни к чему, потому что Раиса научила нас раскалывать Директора на контрамарки...

К шести часам вечера Павел Митрофанович пребывал, как правило, на взводе. Когда тот или иной Детсекторианец возникал у него в кабинете с челобитьем, Директор отрывал полоску от листа бумаги на своём столе и, посапывая через ноздри, чтобы держать перегар под контролем культуры, писал неразборчивее, чем врач в аптеку.

Дешифровка рецепта складывалась в «пропустить 6 (шесть) челмвк». (Или сколько уж там желающих набралось на предстоящий сеанс.) Внизу он добавлял охрененно расфигуряченную подпись, — в два раза длиннее предыдущей строки.

После того как Тётя Шура запускала в зал Поселковых киноманов, и созерцание начальных титров исподволь погружало их в предстоящие грёзы, мы подымались на второй этаж и отдавали контролёрше драгоценный клочок. Она отпирала заветную дверь на балкон, и колючим оком сверяла наше количество с иероглифами контрамарки...

... .

Директор Клуба сложения был короткого и плотного, но без брюха. Его слегка припухшее (а зачастую раскраснелое) лицо вполне вписывалось в такое сложение, как и серовато-волнистые волосы, которые он зачёсывал назад.

Когда работники Клуба, совместно с любителями из художественной самодеятельности, готовили полный спектакль по пьесе Островского «На бойком месте», Директор Клуба просто сделал прямой пробор на своём темени, смазал волосы вазелином, и превратился в более натурального купца Царских времён, чем когда-либо удавалось всем купеческим гильдиям вместе взятыми...

Электрик Мурашковский расхаживал по сцене в роли Помещика, в белой черкеске из костюмерной Тёти Тани, и без конца прищёлкивал нагайкой, которую держал в своей клешне вместо кружевного платочка.

Даже Заведующая Детским Сектором, Элеонора Николаевна, участвовала в полномасштабном производстве классики XIX века...

Её должность в Клубе явно превышала должность Художественного Руководителя Детского Сектора, которую занимала Раиса, потому что Элеонора являлась в Клуб намного реже, и Раиса ей подхихикивала, когда подворачивался случай.

На свои визиты, как, впрочем-то, повсюду, Элеонора прибывала в ниточно висячих серёжках с крохотными вкраплениями блестящих камушков. Эффект отменялся девственно белой блузкой с кружевным воротником. На общий аристократизм образа работали также заторможено манерные движения рук, столь контрастные с Плебейски энергической жестикуляцией Раисы.

Единственный случай, когда в ушах Элеоноры не болтались те её размотанные блёсточки, произошёл на представлении одноактной пьесы, где она изображала коммунистку-подпольщицу, пойманную белогвардейцами.

Беяки заперли её в одной тюремной камере с блатной уголовницей из Одессы-Мамы (в исполнении Раисы), и Элеонора успела перевоспитать воровку за Советскую власть всего за один (и, к счастью, единственный) акт постановки, прежде чем Степан, Завхоз Клуба, и Руководитель Эстрадного Оркестра Аксёнов (оба в белых черкесках и балетных сапогах) увели её на расстрел.

~ ~ ~

Если Директор отсутствовал из своего кабинета, мне приходилось покупать билет, как простому смертному, в окошечке кассы, — левофланговой в одном строю со списком фильмов и запертой дверью директорского кабинета. Раз на раз не приходится.

В один из подобных случаев, я вошёл в общий зрительный зал и уселся на ряд впереди пары девочек — Ларисы и Тани, что учились в одном со мной классе, — потому что хотя кассирша чиркала в билете на какой он сеанс и место, но кто вообще заглядывал в те билеты, помимо Тёти Шуры на контроле?

Когда-то мне втайне нравилась Таня, но показалась слишком недостижимой своим заносчивым выражением лица. Поэтому я сбросил газ, тормознул и переключился на Ларису.

После уроков, я старался догнать её на Нежинской, по которой она ходила. Однако рядом с ней всегда шагала Таня, в качестве бдительно близкой подруги, они ведь соседки.

А когда Лариса участвовала в Детском секторе, я даже один раз провожал её по Професийной до угла улицы Гоголя, но дальше она не разрешила...

В тот период Таня тоже приходила в Детсектор так что фактически по Професийной мы шли втроём. Таня всю дорогу подгоняла Ларису идти быстрее, а потом разозлилась и ушла вперёд одна.

Мы вдвоём дошли и расстались на упомянутом углу, откуда я пустился восторженно парить вдоль улицы Гоголя. В ушах моих всё ещё звенел милый девичий смех Ларисы в ответ на мой пустопопорожный трёп.

Однако приблизившись к обледелой водоразборной колонке под фонарным столбом на углу Нежинской, я не смог сохранять этот душевный подъём далее, из-за пары контрастно чёрных, на фоне белого снега, фигур.

Когда они окликнули меня подойти.

Я опознал обоих. Тот, что пониже, — парень из параллельного класса, а второй — десятиклассник Колесников из нашей же школы. Они оба жили где-то на улице Маруты.

Доверительно угрожающим тоном голоса, Колесников завёлся мне втолковывать по теме, шо если я вааще хотя бы только раз подойду к Ларисе, и если он када-нибудь услышит или ему скажут, шо я посмел, тогда, короче, в общем, я понял шО он мне за это сделает?

И эти толки об общих понятиях он повторял по кругу, малость меняя очерёдность, а меня сковал неодолимый страх, как нашкодившего пятиклашку, когда учитель на него орёт явиться завтра в школу с родителями.

И именно в этот момент я почувствовал, как что-то хапнуло меня за икру и треплет. Оглянувшись, я ожидал увидеть бродячую собаку, но там оказался совершенно пустой сугроб снега, и больше ничего. Вот когда мне абсолютно полностью дошёл смысл выражения «поджилки трясутся».

Он снова спрашивал, понял ли я его, и я бормотал, что понял. Тогда он переспрашивал, всё ли я понял, из того, шо он сказал, я мямлил, да, всё.

Но я не смотрел им в лица, а думал про себя: вот бы Дядя Толик, бывший чемпион области по штанге в полусреднем весе, пришёл сейчас за водой с ведрами...

Нет, он так и не появился. В тот день я натаскал домой достаточный запас...

И вот теперь в публичном месте, перед лицом довольно переполненного зала, я уселся возле пары девочек, которые мне одноклассницы, а про одну из этой пары меня предупреждалось. Сурово.

Однако, целиком осознавая неосмотрительность своего поведения, иначе я, почему-то, поступить не мог. Само так получилось.

Вызывающе, не таясь, я обернулся к ним в попытке завязать, поверх спинки сиденья, разговор, сквозь гам и предсеансовый галдёж зала.

Но Лариса хранила упорное молчание и смотрела в сторону. Отвечала мне только Таня, довольно односложно, словно равнодушная стена вокруг терема царевны Несмеяны.

И вдруг Лариса обратилась ко мне напрямую: «Не бегай за мной, а то ребята меня тобою дразнят!»

Я не нашёлся что ответить, лишь молча встал на ошарашенные ноги...

Они бесцельно побрели вдоль тесноты между рядами...

Вот и стена в проходе под балконом, ну, и что дальше?...

Бездумно, они свернули вправо, топая на выход, унося бремя разбитого сердца в моей груди.

А когда мы все вместе — я, пара ног, и переполнившие мою грудную клетку осколки — достигли самых последних рядов, моя чёрная печаль обернулась окончательным мраком — свет в зале угас для начала сеанса.

Чтобы дать глазам хоть немного привыкнуть к темноте, и не тыкаться куда попадая как слепой щенок, я присел на крайнее место в ряду, и — забыл страдать дальше...

По экрану ползли ярко-красные титры голливудского вестерна «Винниту, Вождь Аппачей»!

~ ~ ~

В № 19 по улице Нежинской старика Дузенко уже не было, его четверть хаты населяли теперь две старухи — его вдова и её сестра, приехавшая из села. И в полхате Игната Пилюты осталась одна только его вдова, Пилютиха.

Она и носа не показывала из своего логова. Ставни окон, смотревших на Нежинскую, не открывались неделями. Конечно же, ей наверняка случалось выходить и на Базар, и в Нежинский магазин, но мои и её тропы никогда не пересекались...

В феврале Бабу Катю вдруг отвезли в больницу. Наверное, только для меня, чья жизнь разрывалась между школой, Клубом, книгами и телеком, это случилось вдруг. Когда стараясь поспеть повсюду, не замечаешь, чтО творится у тебя под носом.

Придя из школы, я звякал кованой защёлкой-клямкой на калитке и скорым аллюром форсировал пару ступенек нашего крылечка, проскакивая мимо окна Пилютихи.

Она стояла там столбом, в профиль, концы наброшенного поверх волос распущенного длинного платка свисали чёрным кlobуком на черноту прочего её прикида. Рука с угрозой вскинута к стене, отделяющей её от нашей кухни... Одна из этюдных проб Шадра в ходе его работы над «Булыжником — оружие пролетариата».

Дома, уронив папку с парой учебников и школьными тетрадками в расселину между нашим с братом диван-кроватью (когда в сложенном виде, это — он) и тумбочкой под телевизором (уж эта-то всегда — она), я возвращаюсь на кухню пообедать с братом-сестрой, если они ещё не ели.

Мать и Тётъ Люда готовили отдельно для своих семей, и Баба Катя столовалась сготовленным её младшей дочерью, садясь за один-единственный кухонный стол с парой своих младших внуков: Ирочкой и Валериком, — под стеной между нашей и Дузенкиной частями хаты.

В дневное время по телевизору показывали только заставку с живописно застывшим кругом и квадратами — для настройки изображения кручением мелких ручек на задней стенке телевизорного ящика. Если круг не кругл, то и лицо диктора сплющится, будто Москву ему показывали слишком долго или наоборот, как если б слон на темя наступил. Поэтому, пока не начнёт вещать Всесоюзное ЦТ (17:00), телек бесполезен, и обед проглатывался под невнятный речитатив Пилютихи за стенкой. В особо драматических местах бубнёж перерастал в крики — фиг поймёшь о чём.

Потом я уходил в Клуб и, возвращаясь, снова видел Пилютиху, уже в подсветке дальней лампочкой из комнаты, поскольку свет на кухне она принципиально не включала. Возможно, мрак поддерживал её в противоборстве с проклятой стеной. Ненавистой по чёрному.

Когда все четыре родителя возвращались с работы, Пилютиха добавляла громкости, на что отец обычно морщился и говорил: «Вот же Геббельс, опять завела свою шарманку!»

Однажды Дядя Толик приставил большую чайную чашку к стене — послушать, о чём она там каркает. Я тоже разок прижался ухом к донышку. Бубнёж приблизился и звучал уже не за стеной, а внутри белой чашки, но всё так же не разбери-пойми.

Мать призывала не обращать внимания на полоумную старуху, а Тётя Люда пояснила, что это она нас всех проклиняет, через стену. Тётка обернулась к той же самой стене и, уже с нашей стороны, отдельно выговорила: «А чтоб вот это всё — тебе же за пазуху!».

Не знаю, была ли Пилютиха и впрямь полоумной. Как-то же умудрялась жить одна.

В конце войны дочка покинула Конотоп безвозвратно, на всякий, чтоб не прижучили за весёлые игры с офицерами штаба Немецкой роты, когда те квартировали в хате её родителей. Сын Пилютихи, Григорий, получил свои десять лет за какое-то убийство. Муж умер, телевизора нет. Может потому и проклинала, чтобы не ополоуметь...

Баба Катя насчёт Пилютихи ничего не говорила, а только виновато улыбалась. Случались дни, когда она постанывала, но не громче, чем речи Геббельса, приглушённые стеной...

И вдруг приехала «скорая» и её увезли в больницу.

Спустя два дня, Бабу Катю привезли обратно и положили на обтянутую дерматином пружинную кушетку, которую отец собрал из остатков прибывшего с Объекта, чересчур габаритного дивана. Она вполне вписалась под окном кухни, напротив плиты-печки.

Баба Катя никого не узнавала и ни с кем не разговаривала, а только стонала: протяжно и громко. Вечером две наши семьи собрались перед телевизором, и закрыли дверь на кухню, чтобы не доносились её стоны и тяжёлый запах. Архипенки перенесли свои постели к нам в комнату, что превратило её в спальню на девятых.

На следующий день снова вызывали «скорую», но страждущую не увозили, а только сделали укол. Баба Катя затихла ненадолго, но вскоре снова начала метаться, лёжа на кушетке, и повторять один и тот же крик: «А, божечки! А, пробі!»

Через пару лет я догадался, что «пробі» это Украинское сокращение от «прости, Боже». Умирала Баба Катя трое суток.

Наши семьи ютились по соседям — Архипенки в № 15, а мы в № 21, на половине Ивана Крипака. Пожилые соседи давали родителям невразумительные советы, мол, надо бы сломать порог нашей хаты, или какую-нибудь из половиц внутри.

Наиболее практичное предложение внесла жена Ивана Крипака, Тётя Тамара. Она сказала, что кушетка с Бабой Катей стоит под форточкой, приоткрытой у неё над головой, и свежий воздух продлевает её муки.

В тот же вечер, мать и Тётя Люда заглянули в нашу хату: прихватить оттуда пару одеял. Потом они выключили в хате свет, и вышли на крыльцо. Там Тётя Люда подошла к кухонному окну и втиснула полураспахнутую форточку в раму. Плотно.

Зачем-то крадучись, она сошла вниз, где моя мать и я стояли, держа одеяла. На тёткином лице застыла улыбка напроказившей девчушки, или так уж мне показалось, в закутке между верандами, куда луна ещё не успела присветить...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.